

Александр
МАЗИН

— СЛАВЯНСКОЕ ФЭНТЕЗИ —

ЛОВЦЫ ДУШ

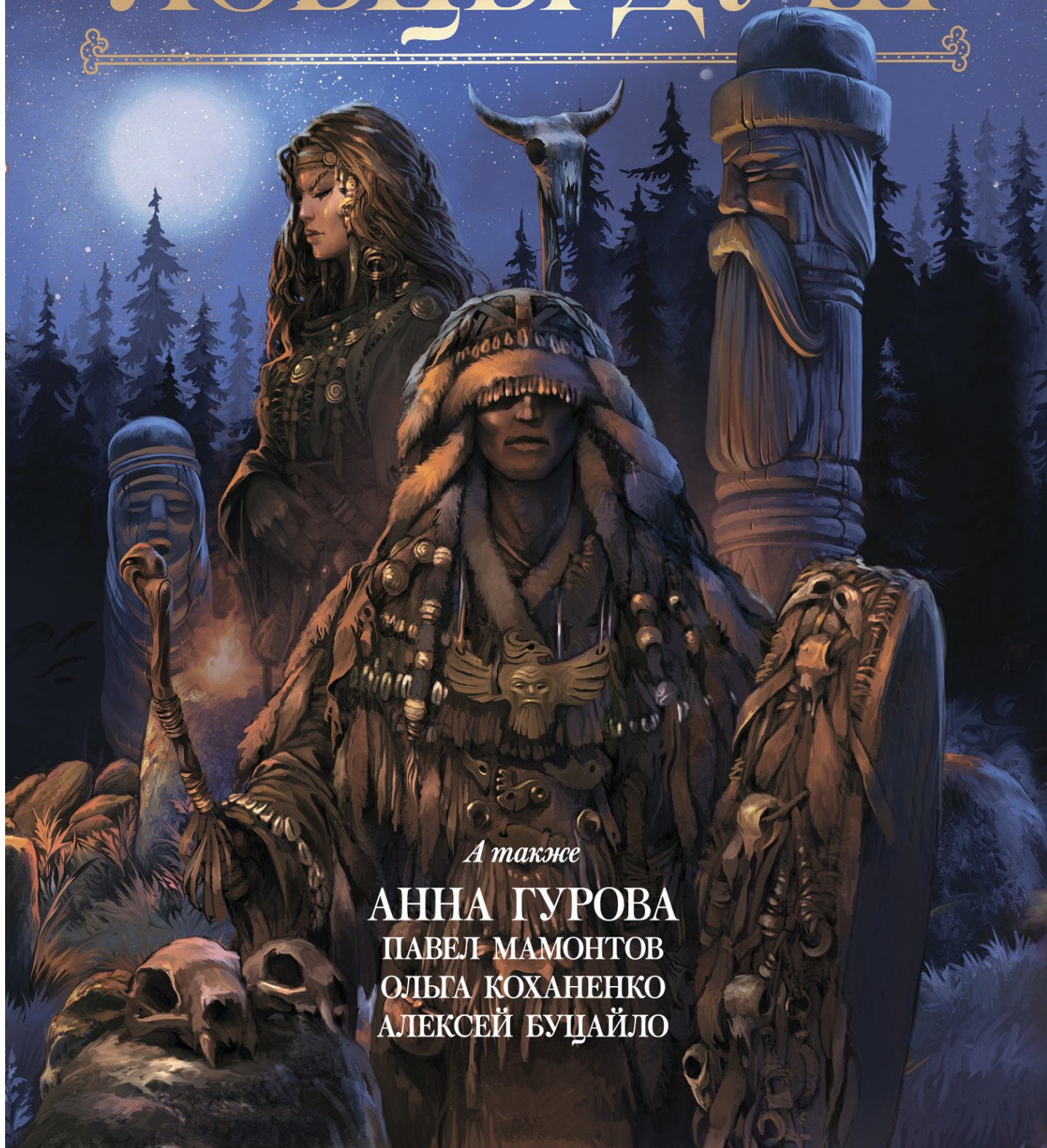
А также

АННА ГУРОВА

ПАВЕЛ МАМОНТОВ

ОЛЬГА КОХАНЕНКО

АЛЕКСЕЙ БУЦАЙЛО

Славянское фэнтези

Александр Мазин

Ловцы душ

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мазин А. В.

Ловцы душ / А. В. Мазин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Славянское фэнтези)

ISBN 978-5-17-112607-0

Старый ведун из Полоцкого княжества, именуемый Волчий Пастырь, шаман-нойда, говорящий с мертвыми, юный княжич Сеслав, которому назначено смертельно опасное испытание, боярышня, угодившая в тенета ведьмы, ловкий и бесстрашный охотник Корт... Всех их объединяет одно: их путь рядом с Кромкой, границей, разделившей мир живых и мир мертвых. Здесь сказка становится реальностью. Здесь нет ни добрых, ни злых, а есть лишь беспрестанная борьба за власть над человеческими душами, своими или чужими. Это совсем не то колдовство, которое придумывают авторы фэнтези. В этом мире оно исконное: языческое, беспощадное дремучее, как древнерусские леса, полные нежити и проклятий, только и ждущих, чтобы неразумие или жадность дали им свободу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-112607-0

© Мазин А. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Александр Мазин. Ведун	6
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	29
Глава шестая	32
Глава седьмая	35
Глава девятая	40
Глава десятая	42
Павел Мамонтов. Волчонок	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Александр Мазин, Анна Гурова,
Павел Мамонтов, Ольга
Коханенко, Алексей Буцайло
Ловцы душ**

© Александр Мазин, текст, 2019

© Павел Мамонтов, текст, 2019

© Ольга Коханенко, текст, 2019

© Алексей Буцайло, текст, 2019

© Анна Гурова, текст, 2019

© Михаил Емельянов, ил., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Александр Мазин. Ведун

Бурый сидел на лавке, прикрыв глаза. Но все равно видел и стол, и чашку с зельем, и свою беспалую руку на черной столешнице. А кабы и не видел...

Черные стены, черные руки, черное зелье... Все черное.

Всегда черное. Черная изба, где жил мальчонкой. Черные растрескавшиеся бревна, черный, клочьями, мох.

Такой путь. Такая слава. Черная.

Жалел ли он? Нет. Теперь – нет.

Кому-то должно стоять между Явью и Навью. Тяжко, но любо. И любо знать, что ты не колдун-кошун, бормотун заклятий, варщик зелий. Когда ты – Сам. Когда ты – Бурый.

Добра ушедшему за Кромку Дедке, что углядел его среди прочих и не погубил: вылепил, выковал, как куют меч из крицы болотной руды.

Бурый улыбнулся. Он редко улыбался. А кто видел его улыбку, не улыбался в ответ – вздрагивал. Но тут как не улыбнуться. Все черное, а он – Бурый.

Вспомнилось давешнее. То, как продали его еще мальчонкой страшному ведуну...

Глава первая

Рядились батька с ведуном не на подворье, за воротами. И Малец тут же стоял. Не разумел ничего. Не понимал: почему с гостем – на улице?

А вот батька знал, верней, думал, что знал. Смердь по верье: кто колдуна на подворье пустит – беду накличет.

Знал не знал, а, как углядел Малец Дедку, сердечко в пятки ушло. До того перепугался, что ручонку из батькиной ладони выдернул и дал бы деру, да пойман был за вихры. Пойман и вытолкнут наперед.

Ох и страшный Дедко. Сутулый, ручищи мало не по земле метут, космы – шерсть медвежья, рожа, что блин. От оберегов страшных шея гнется. Ясно, чужак! А уж глазищи! Чисто прижмурившийся филин. У людей *таких* не бывает...

– Этот? – Батя отвесил Мальцу подзатыльник.

– Угу, – проскрипел чужак. – Уговор?

В заскорузлой, как сухая земля, ладони блеснуло серебро.

– Уговор, – сиплодохнул батя, принял монеты, оглядел подозрительно: вроде настоящие. Не колдовские.

– А то, может, еще кого возьмешь? – спросил он. – Сей шестой у меня, да не последний. Может, еще девку? До пары?

– Нет, человеке, мне этот нужен... – и, помедлив, спросил: – Не жаль сынка-то?

– А чё жалеть? – Батька нахмурился. – Все одно за зиму один умрет. Может, он как раз... Бери, слышь! – Он толкнул Мальца вперед, и тут же клешнястая, без двух пальцев, лапа замкнула тощую ручонку.

– Да ты, это, хоть не убьешь его? – вдруг обеспокоился батька.

И сам тут же смутился. Уже ведь продал...

– Там поглядим, – буркнул Дедко. – Мож, и выживет.

И пошел.

Малец упирался, босые ноги елозили по мокрой траве, а колдун словно и не замечал. Шел себе и шел.

– Ну тады ладно! – крикнул вслед батька и воротился во двор.

Малец перестал сопротивляться, смирился и полушагом-полубегом потрусил рядом. Только раз, перед поворотом, оглянулся, впитал взглядом родное: кривоватый частокол с узкими воротами, пятна огородов, желтые поля подальше, дюжину овечек, каждую из которых знал поименно, младшего братца Нишку, глядящего вслед, раззявивши рот...

Глянул и заплакал.

Шли долго. Весь день. Лугами, бором, болотом. Сначала знакомым лесом, потом – чужой чащобой. Такой, что неба совсем не видать.

Чужой лес шептал и ворчал, давил и путал, трогал затылок лапками вьющейся нежити.

Дедко давно отпустил его руку, но Малец и не думал сбежать. Поспевал за Дедкой изо всех сил. Сжимал в руке Мокошев оберег: заговоренную заячью косточку, шевелил губами непрестанно: защиты просил. Вслух – боялся. Дедко услышит и осерчать может. Такие, как он, за Кромкой ходят. У них свои боги.

А может, и он теперь уже за Кромкой?

От этой мысли Малец весь потом покрылся, замер в ужасе...

Но тут же опомнился. Увидел, как удаляется сутулая спина в грязно-белой меховой безрукавке, и сообразил: в Нави они или в Яви, а Дедко сейчас – его единственная защита.

К вечеру Малец совсем уморился. Так устал, что даже страх куда-то подевался.

Хотя понятно куда. Он теперь – Дедкин. А Дедко в лесу – как баба в своей избе. И тропы ему открываются, и нечисть, и нежить от него прочь бежит, как мыши от метлы.

А когда на отдых встали, Мальцу совсем хорошо стало. Дедко его покормил, и богато. Лепехами медовыми, копченым мясом, даже бражки глотнуть дал.

От бражки Малец развеселился. Должно быть, не простая бражка была, потому что от нее бодрость пришла, и побежал Малец за Дедкой легко, как олененок за мамкой.

До Дедкиной избы добрались за полночь.

Изба Мальцу не показалась. Покосившаяся снаружи, внутри же пустая и черная.

Внутрь не хотелось совсем. Внутри казалось страшней, чем в лесу.

Дедко хрюкнул недовольно, ухватил за руку, втянул в избу, толкнул на лавку, затворил дверь, подошел к печи, высек огонь.

Вот что значит ведун-колдун. Совсем богов не боится. Сам домашнее пламя творит. У людей-то в домах огонь – летошний. Настоящий. А угаснет по нерасторопности – у своих возьмут. Такой же.

А этому божье благословение – ништо.

– Гори, гори жарко, дровишек не жалко, – ворчал-напевал колдун. – Со мха на лучинку, с лучинки на сучок, с сучка на полешко, разгорайся, не мешкай!

И загорелось. Удивительно быстро. Видать, от наговора колдовского.

От большого огня Дедко затеплил и малый. Да не лучину, а медную, наполненную жиром мису с ровным фитильком. Поставил на стол, сам сел напротив. Так, чтоб огонь был между ними. Высыпал на стол остатки дорожной еды, бурдючок с бражкой. Набулькал в чашку, подвинул Мальцу.

Тот не отказался. Кто ж от бражки откажется, да еще такой духовитой, сладкой?

Тем боле что раньше никто Мальца бражкой и не поил. Только понюхать.

– Знаешь, кто я?

– Колдун, – пробормотал Малец.

– Ведун, – строго поправил Дедко. – Не боишься, что съем тебя?

– Не-а.

Дедко хохотнул:

– Откуда знаешь?

– А знаю вот! – От его смеха мальчик слегка приободрился. – Глаза чай есть.

Нахально ухватил со стола кус лепехи. Разгрыз с хрустом.

– Вижу, что есть... – проскрипел Дедко. – Но это – покуда.

Малец замер. Крошки просыпались изо рта. Испугался.

Подумал сам себе: кто ж купленного раба портить станет?

Не помогло. Страх пришел, аж живот скрутило. Есть совсем расхотелось.

Дедко из-за стола встал, к печке подошел, возился там, готовил что-то. Малец не видел, что. Но точно не снеть.

Дедко сидел на корточках к Мальцу спиной, и тот, решившись, встал и потихоньку двинулся к двери. В чужом лесу страшно, но здесь – еще страшней. В лесу он уж как-нибудь. Серый, чур ему, не съест, а от нечисти у Мальца знак тайный есть. Братья старшие показывали. А тут – пропасть.

– Сел назад! – хлестнул окрик. – Резов! Сел, сказано! Я тя и спиной вижу!

Малец поспешно вернулся на лавку.

– И запомни, – продолжал Дедко. – Вдругорядь говорить не стану: в рака обращаю да в кипятком брошу. А потом съем.

– Ты ж батьке обещал не убивать... – робко напомнил Малец.

– А что мне твой батька? – усмехнулся Дедко. – Я и батьку твоего могу – в рака! – И, вставши, снял со стены ремень.

– Драть будешь? – испуганно спросил мальчик.

– Драть? Хм-м... То батька с мамкой тебя драли. А я, ежели забалуешь, ножик возьму да таких вот ремешков со спины твоей нарежу и на сучок повешу. Токо ты не забалуешь. Без глаз-то...

– Чё? – скорее удивился, чем уstraшилcя Малец.

И тут колдун ловко опрокинул его на лавку, придавил коленом и прикрутил ремнем. Накрепко. Даже лоб перехватил.

Привязал, взял нож и сунул в огонь.

Скосив глаза, Малец видел, как постепенно наливается красным искривленное острие.

– Ты что ж, впрямь очи мне выткнешь? – догадался Малец. – Ой не надо, дедушка миленький!

– Надо. – Колдун глядел на нож.

Решив, что накалилось достаточно, вынул лезвие из огня, подошел к мальчику.

– Ой, дедушка, добрый, хороший! Не буду я бегать! Ой, не надо!!! – истошно завопил Малец.

– Не надо, баишь? – Раскаленный кончик ножа, источая жар, застыл у переносицы.

Мальчик перестал рваться, замер, глядя на красное жало скошенными глазами.

– Молодец! – неожиданно одобрил колдун. И отодвинул нож от лица. – Коли не заплачешь – резать не буду. А все ж очи твои надобно перетопить. Больно яркие, сини. Мне такие не надобны. – Помолчал. Затем продолжил: – Больно тебе будет. А ежели закричишь или заплачешь – быть тебе слепу. Разумеешь?

Мальчик не отвечал.

– Ну?

Малец моргнул, не в силах слова вымолвить. Белый стал, как снятое молоко.

Дедко бросил нож на стол, шагнул к печи, взял горшочек.

– Не кричать! – напомнил еще раз. – Не то – без очей!

И, зачерпнув вязкого грязно-бурого месива, вдруг с размаху плюхнул на глаза Мальца.

Мальчик успел зажмуриться, но все равно жгучая боль достала. Содрогааясь, он вцепился в край лавки. Он помнил: кричать нельзя. А боль была такая, что никак не сдюжить. Заполнила всю голову. Показалось, глаза расплавились и вытекли на щеки. Что эта жижа кипит в глазницах вместо глаз...

Но Малец не кричал. Прокусив губу, сжавшись, выдавливал из себя вопль, выпускал его через зубы, обращая в тихий жуткий вой...

Сколь длилось, Малец не помнил. Долго. Он то проваливался куда-то, то выныривал, приходил в себя. Иногда старик вливал немного воды в рот и напоминал: нельзя кричать. Да он бы уже и не закричал. Боль притупилась. Больше пугала мысль: глаза все-таки вытекли от жара и он ничего больше не увидит, кроме этой красноты.

Глаза не вытекли.

Колдун умыл его водой, что тоже было ужасно больно. Потом взял его руку, положил на лицо:

– Потрогай.

Малец потрогал и убедился с облегчением: глаза на месте. И веки на месте. Только трогать больно. И не видно ничего, всё красное.

– Молодец! – одобрил ведьмак. – Не кричал. Вот и глаза сохранил.

– А видеть смогу? – набравшись смелости, спросил Малец.

– То подождем, – раздался будто издаля голос колдуна. – Может – да, может – нет. От тебя зависит.

«Как же от меня?..» – хотел спросить Малец, но вдруг уснул.

Зрение вернулось. Только глаза уж не были прозрачно-синими. Потемнели.

Глава вторая

Видение померкло. Ведун сидел, потупясь. Теперь-то он знал, почто пытал его Дедко. Крицу тоже в огне жгут да молотом бьют. Чтоб шлак выбить, чтоб форму правильную обрела. Так и Дедко – с ним. Глаза – первое испытание. Первое и не самое тяжкое. Были и иные. Пострашней.

Но после того, первого, Дедко его долго не мучил. Хотел, чтоб окреп Малец. Так что жилось ему поначалу хорошо. Совсем хорошо. Кушай, сколько влезет, спи вволю. А к зиме ему Дедко одежду подарил. Дорогую. Такой у них в сельце даже у старосты не было. А еще сапожки теплые купил. В таких и мороз – не мороз.

От сытой жизни Малец сразу в рост пошел. Сил прибавилось изрядно.

Когда Малец с прежней родней жил, они в холода больше в избе сидели, в духоте, темноте да копоты. А на улицу выбегали по нужде или на чуть-чуть. Пробежаться – и обратно. Валенки у них были – одни на троих, и полушубок тоже.

С Дедкой – не так. В избе они и зимой не сидели. Дедко Мальца по лесу водил. Много. Ходить учил, глядеть правильно. Не по-людски, по-ведьмачьи. Научил немного.

В общем, хорошо жилось. Дедко, хоть и грозился, а бил Мальца редко. За тугодумие разве. Да и то не каждый день.

Работать, правда, тоже приходилось немало. И работа была не та, что в отчем доме. Скотины у Дедки не было никакой. Ни скотины, ни живности. Даже пса во дворе. Зачем пес тому, кого волки днем и ночью сторожат? Выйдет утром Малец из дому облегчиться, глядь, а на подворье – следы. И вокруг хутора тоже. Всегда одни и те же. Но большая стая. Сорок три серых. Малец теперь хорошо считать научился. В ведовском деле без этого никак. Всё по счету, что в заговорах, что зелья варить. А варить – приходилось. И варить, и травы да порошки растирать в пыль мелкую, и зверье потрошить правильно, чтоб нужную часть взять.

Зверье Дедке волки носили. Делились. Раньше Малец думал, что это Дедко их прикармливает. Ошибся.

Волков Малец боялся. А как не бояться? Это Дедко с ними – как с псами домашними, а Малец для них – пища. Дедко так ему и сказал. «Ты – пища. Но ты – моя пища, потому без моего дозволения тебя не тронут».

С намеком сказал. Если вдруг вздумается Мальцу сбежать.

Бежать, однако, не хотелось. У Дедки сытно, интересно, а порой и весело. А что страшно, так это пока. Вот выучится Малец, станет ведуном, тогда уж его все бояться станут.

Эта мысль грела не хуже меховой шубки. И забылось понемногу, как Дедко ему очи запекал.

И уже не верилось, когда Дедко внушал, нацелив Мальцу в глаз палец: «Страх, он теперь навсегда с тобой, малой. У волчка – вой, у ведуна – страх. И в нем, внутри, и вокруг него. Как он уйдет, так и ты уйдешь за Кромку».

«Ты, что ли, тоже смерти боишься?» – спросил Малец.

«А то. Я ведь живой покуда. Иль ты думаешь, не я это, а мертвец костеногий?»

И захихикал. Пошутил, значит.

А Мальцу – не смешно. А вдруг Дедко и в самом деле – мертвец? С ним ведь ничего не знаешь доподлинно. Он же ведун. Ведуны за Кромку шастают, как блудливый кошок – на соседний двор. Хоть по Калинову мосту ходят, хоть напрямки. Им людской покон не указ. У них – свой. Помер, ожил – и снова по земле живых ходит.

Такой вот он, Дедко. Не поймешь, то ли врет, то ли пугает, то ли правду говорит. Хотя его правда такая иной раз, что лучше бы врал. Вот как тогда с ведьмой было.

А было так.

Дедко разбудил Мальца среди ночи.

Молча бросил ему свиту, шапку и шубу.

Малец так же молча оделся. Обул меховые сапожки, которые Дедко ему справил к зиме, черпнул ледяной водицы из кадушки, мазнул по лицу, прогоняя сон.

Уже выходя, увидел, как Дедко вгоняет в притолоку заговоренный ножик.

Ножей у Дедки много. Но три – особенные. Один жизнь пьет, другой силу, третий – храбрость. На каждом – заговор, в каждом – душа скованная, голодная. Так Дедко говорил. И трогать эти ножи без дозволения никому нельзя. Не то умрешь смертью страшной, а душу Морена проглотит.

А еще Малец видел, как ведун ножи зельями смазывал.

В притолоке Дедко оставил тот, что от храбрости. Значит, уходят они нынче надолго.

Нет, не уходят, уезжают.

Во дворе ждали большие санки, запряженные парой мохнатых лошадок. При санях трое: вой в полушубке, с копьем и надетым поверх шапки круглым шлемом, муж из господ, важный, с серебряной гривной на шее, и еще возничий. Этот, похоже, из холопов.

– Малого зачем? – проворчал недовольно тот, что с гривной.

– Ведьме на приманку, – отозвался Дедко, закрывая дверь в дом и подпирая ее полешком. – Ведьмы, они до молоденьких лакомы! – И подмигнул Мальцу.

Тот как всегда не понял: шутка или вправду, но всё же решил не пугаться. Дедко – хозяин рачительный. Стал бы он Мальца пестовать, чтоб после скормить какой-нибудь гадине?

– Садись, сиротинка, – вой шуйцей подхватил Мальца за ремешок и усадил внутрь саней. Заботливо прикрыл овечьим одеялом. – Он, небось, шутит, хозяин твой?

Лицо у воя широкое, борода – во все стороны, усы в сосульках, глазки маленькие, плечи широченные.

Малец дернул плечом.

– Шутит, шутит, – заверил вой, прыжком перемахнув через бортик саней и устраиваясь рядом. – Стал бы он тебя как боярича наряжать, если б ведьме подарить мыслил.

Малец закивал. Точно так и он думал.

А вот Дедко – нет.

– Вот тут ты верно сказал, человек, – проскрипел ведун, устраиваясь с другой стороны мальчика. – Одежку-то снять придется. Не то замарается.

Возничий свистнул, лошадки тронулись не спеша.

Малец тут же задремал, прислонившись головенкой к воевой руке...

И проснулся от недовольного ворчания Дедки:

– Что они у тебя как дохлые, человек? Кормишь плохо? Этак мы до послезавтра ехать будем.

– Притомились коники, ведун, сам, что ли, не видишь? – так же ворчливо отозвался возничий. Щелкнул кнутом раз, другой.

Без толку. Сани так же неторопливо тащились по лесной дороге, ныряя в ямы, подскакивая на буграх.

– Мы к тебе еще засветло выехали, – словно извиняясь за что-то, проговорил вой. – Как узнали про ведьму, так и поспешили.

– Ко мне, значит, спешили, а теперь – не торопитесь, – буркнул Дедко.

– А что теперь спешить? – вой смял бороду, раскрошив сосульки. – Вот если бы тебя не застали, тогда пришлось бы еще кого искать. А теперь точно поспеем. Ведьма нам сроку до следующего заката дала. Откуп собрать.

– Так и откупились бы, – лениво проговорил Дедко. – Я чай тоже не за «благодарствую» помогать буду.

– Так тебе дашь – и ты уйдешь, – вмешался муж с гривной. – А ведьма как присосется, так пока досуха не высмоктает, не отпустит.

– А может, и не ведьма она, – так же лениво продолжал Дедко. – Может, дурит вас?

– Не-е! – уверенно возразил муж с гривной. – Чаровница исконная. Батя мой, староста наш, ей княжым гневом пригрозил, так она на него палкой махнула и испортила. Слег батюшка и не встает, хотя допреж крепок был. Она, дрянь такая, на всех в деревне пообещала порчу напустить, ежели не откупимся.

– А ну как она на меня палкой махнет – и я тоже слягу? – поинтересовался Дедко.

– Не будет того. Ты ж ведун. Вас ни яды, ни порча не берут! – уверенно заявил муж с гривной. И вдруг усомнился: – Иль вранье это?

– Правда, правда, – успокоил Дедко. – Ущучим мы ведьму. Верно, малой?

– Ага! – охотно подтвердил Малец. – Ты, Дедко, кого хошь заборешь! Без всяких при- манок.

– Спужался всё же, малой, – хихикнул Дедко. – Ну за испуг я тебя после спрошу, а нынче надо бы коняшек поторопить. Этак мы до завтра в санках трястись будем.

– Не побегут они шибче, – буркнул возница. – Сказал же: притомились. Устал – так на лыжи встань да беги рядом.

– Холоп у тя больно разговорчив, человек, – с легкой угрозой процедил Дедко. – Давай я ему язык отрежу? Забесплатно.

– Он верно говорит, – поддержал возницу муж с гривной. – Устали лошадки. Идут как могут.

– Да ну? – прищурился Дедко.

Малец знал этот прищур. И еще знал: недоволен Дедко. А когда Дедко недоволен, лучше сразу запрятаться куда-нибудь и сидеть тихонько.

– Показать тебе, как они могут? – поинтересовался Дедко у мужа.

– Ты, ведун, это... – начал тот, но закончить не успел. Дедко сложил руки у рта ковшиком и завыл. Да так похоже. Будто вожак стаю скликает.

Лошадки всхрапнули разом и дружно перешли с шага на рысь.

– Видишь? – спросил Дедко. – Могут они и лучше. И еще лучше могут, – удовлетворённо произнес Дедко, когда из чащи откликнулось сразу несколько волчьих голосов. Да сразу так близко, что лошадки рванули со всех ног, едва ли не галопом. Понесли.

Санки уже не качались, а взлетали и падали, мотаясь из стороны в сторону.

Возница, вставши на ноги, вцепился в вожжи.

Дедко тоже встал, держась за борт. Власы его, выбившиеся из-под шапки, развевались на ветру. Дедко захохотал.

Вой тоже вскочил. С копьём наизготовку.

Привстал и Малец. Сидеть в несущихся санях было очень неудобно.

Вот они!

Малец увидел мелькающие меж деревьев серые тени. Волки мчались высокими прыжками, утопали в снегу, пока не выскочили на дорогу.

– Прочь, прочь! – заорал вой, размахивая копьём.

Лошади храпели, Дедко хохотал. Малец тоже засмеялся. Он тоже так сможет, когда выучится.

Если ведьма не сожрет.

Ведьму деревенские поселили в лучшем доме. У того самого мужа с гривной, что сейчас из-за волков сам на Дедку волком смотрел. Пахло из сеней вкусно. Малец сразу учуял, как они с Дедкой во двор вошли.

А ведьма – ждала. Стояла в дверях. Лицом – строгая. На голове плат расшитый, обереги на платье – жемчугом да серебром. Сапожки синие, сафьяновые. Такие жалко о грязный дворовой снег марать.

Она и не стала. Остановилась на крылечке.

Дедко присел на корточки рядом с Мальцом, заглянул в глаза, спросил ласково:

– Как она тебе? Чувешь что?

От ласки в голосе Дедки Мальцу совсем страшно стало, ответил, что в голову пришло:

– А я думал: ведьмы – старухи страшные, – прошептал он. – А эта – красивая. И зубы все, и морщин нету.

– А что ж ей красивой не быть? – отозвался Дедко. – Кровушка напилась, силушкой напилась.

Дедко закричал, распрямляясь, а Малец подумал: если Дедко его ведьме отдаст, может, и не съест она его, а тоже в ученики возьмет. И будет он тогда не в лесной развалюхе жить, а в таком вот справном доме, кушать вкусно, а вокруг все ему кланяться станут.

Но мысль эта пропала, когда ведьма открыла рот. Потому что голос у нее был... Нет, тоже красивый, звучный. Но от него в нутре у Мальца будто змей ледяной прополз.

– О! Глянь, кто пожаловал! Волчий пастырь! Обзовись хоть, чтоб я знала, за кого Хозяйке слово молвить.

– Хозяйке мое имя ведомо, – прокрипел в ответ Дедко. – А вот твое, милостивица, я бы узнал. Не поделишься?

Ведьма засмеялась в ответ.

И Дедко тоже закашлял, заперхал.

Мальцу почудилось: он нарочно хочет казаться старше и слабей телом, чем на самом деле.

– Знала я, что за тобой пошлют, – сообщила ведьма. – Смерды, дурачье. Думают: дряхлый лесной колдунишка от их деревеньки меня отвадит.

– А ведь и отважу, – сообщил Дедко.

– Ты? – ведьма презрительно фыркнула, и Мальцу показалось: из гладкого личика молодичи выглянула жуткая рожа, складчатая, уродливая. – Смешно. Ты, чай, со скоморохами в юности не бродяжничал?

– А ведь угадала, старая! – Дедко заулыбался. – Хочешь знать, как я тебя отважу?

– Да уж не томи, повесели напоследок, покажи силушку скоморошью! – Ведьма сделала шагжок вниз, поставив ножку на припорошенную снегом нижнюю ступеньку.

Дедки она не боялась нисколько. А вот он ее – опасался. Да еще как. Санек видел, как дрожит у Дедки за спиной сжатая в кулак рука. Та, которая без двух пальцев.

– Нет, драться я с тобой не стану, – мотнул головой Дедко. – Ты ж меня щелчком за Кромку отправишь и медком запьешь. Подарок у меня для тебя есть, старая. Возьми его и уходи.

– Что ж за подарок такой, что я из-за него от отступного откажусь? И от такой гостеприимной деревеньки?

– А вот, – Дедко погладил Мальцову шапку. – Вот его тебе подарю. С виду-то он неказист, но сила в нем есть. Спит покудова, но тебе и проще.

«Это что ж, он меня ей в ученики отдает?» – подумалось Мальцу.

И эта мысль уже не казалась ему такой пригожей, как прежде.

Ведьма Дедки покрасивше будет, но и пострашней.

Малец сам не понял, как шагнул Дедке за спину. Спрятался.

Дедко снова присел на корточки, глянул Мальцу в глаза, двинул шуйцей, и в руке у Мальца оказался ножик из Дедкина сапога. Тонкий, узкий, хищный. Заговоренный на жизнь.

– Один удар у тебя будет, – зашептал Дедко. – Всё равно куда, лишь бы до крови достал. Промажнешься – сожрет она тебя, попадешь – будет у тебя три мгновения. Как раз отбежать

успеешь. И смотри, сам не порежись. Это ведьма из-за Кромки запросто вернуться может, а тебя в Навь навечно отправит. Будешь там ничейной душой, какую всяка тварь мучить будет. Да ты на ножик-то не глазей, малой. Учует ведьма. В рукав спрячь и держи крепко. Один удар, понял? Не то оба пропадем.

Снова закричал, распрямляясь... И вдруг с силой толкнул Мальца к ведьме.

Малец от неожиданности вскрикнул, засеменил, споткнулся обо что-то под снегом, плюхнулся на живот, оцарапал щеку о мерзлые комки, но даже не пискнул. Только и думал о том, чтоб о ножик в рукаве не порезаться.

А потом увидел прямо перед лицом сапожок сафьяновый, а над собой услышал:

– Не врешь, ведун. Есть в нем сила, и немалая. Не боишься, что с тебя за его погибель спросят?

– А я при чем? – раздался неподалеку Дедкин голос. – Рядя меж нами нет. Госпоже не посвящен. Я его купил. Мой он. Если годен, бери.

– А возьму, – подтвердила ведьма. – Деревенок много, а такой подарок – редкий. Где ж ты его нашел, волчий пастырь?

– Сказал же – купил, – недовольно буркнул Дедко.

– А отдавать – не жалко?

– А чего жалеть? Бестолковый он. Что ни скажешь, сразу забывает. Хоть ножом его режь, без толку.

Тут Малец будто очнулся, вспомнил, что велено. Жалко, конечно, такой ладный сапожок портить, но себя – жальче. Так что Малец выпростал из рукава ножик и ударил, сколько было силы.

Ведьма завизжала. От визга этого и Малец заверещал, будто заяц в когтях, и как зверь, на четвереньках, засеменил прочь по грязному снегу, уперся головой о твердое, но продолжал в беспамятстве перебирать руками-ногами и верещать, пока его не взяли крепко за шкурку и не поставили на ноги, а потом жесткая ладонь раз-другой больно хлестнула по щекам.

– Всё уже, – рявкнул Дедко. – Умолкни!

Малец захлопнул рот и уставился на ведьму. На мертвую ведьму, которая лежала на снегу, раскинув в стороны руки и ноги в синих сапожках, в одном из которых торчал ножик с невзрачной костяной рукояткой. Его ведун забрал потом. Вместе с сапожками.

Откуп, что для ведьмы готовили, Дедко тоже забрал. Так что зиму они прожили, как бояре. Хорошо быть ведуном. Только страшно.

Глава третья

Лучина погасла. Но ведуну свет – без надобности. На то он и ведун. Да. За Кромкой ведь темней, чем самой темной ночью. Но видеть и там можно. Если правильную цену Госпоже заплатить.

Бурый заплатил. И не раз. Но тот, первый, он крепко запомнил. Весной это было. Первой весной, которую он встретил у Дедки.

В деревне приход весны знатно праздновали. Малец три таких праздника хорошо помнил, остальные – смутно. Но кто видел один праздник, тот все видел. Все они – по покону. За этим волох следит и родовичи старшие. Кто от порядка отступит, хоть веточку не туда положит, хоть ленточку не ту повяжет, того боги не увидят и беречь не станут.

Ведун – не праздновал. Зиму не гнал, богов за приход весны не благодарил, подарков не дарил.

– Пустое это, – оборвал он заикнувшегося о празднике Мальца. – Я ведун, а не волох. А богов благодарить за что? И девок по земле валять нам без надобности. Празднуй не празднуй, а весна все равно придет. Смерды суетятся, понятное дело. Им зерно земля дарит, одно за три или сколько там вырастет. Мне ж ясти и так принесут. У нас, малой, другие жертвы и боги эти, смерды, над нами власти не имеют. Хоть Сварог старый, хоть Христос новый.

– Так это что же, и Сварога уважать мне теперь не нужно? – не на шутку взволновался Малец.

– Я сказал, дарить их ни к чему, а не уважать я б тебе не советовал. И дразнить тоже.

– Но ты ж сказал: они над нами власти больше не имеют?

– Надо мной, – тут же уточнил Дедко. – А ты им как был ни во что, так и остался. А чтоб тебе понятней было, вот идёшь ты по лесу и лося встречаешь? Есть у него над тобой власть?

Малец помотал головой и засмеялся. Какая у лося над человеком власть может быть, если он травой да листвой питается?

– А если ты его дразнить станешь? Палкой кинешь, за шерсть дёрнешь, лосёнка побьёшь?

– Что я, дурной совсем? – нахмурился Малец. – Он же меня враз стопчет.

– Вот и с богами так! – Дедко щёлкнул Мальца по лбу. – Уразумел?

Малец уразумел: праздника не будет.

С весной народишко к колдуну потянулся. Всякий. И чёрный, и чистый. Даже княжий муж однажды заявился. Здоровенный, усищи до груди, весь в блескучем железе.

А Дедко над ним посмеялся. Зачем, сказал, перед моей избенкой бронь натянул? Ратить меня вздумал аль боишься?

Малец думал, вой осерчает да и зарубит Дедку. А княжий муж, наоборот, побледнел, пробормотал что-то невнятное.

Малец не понял, а вот колдун понял: построжел и выставил ученика за дверь.

Хотелось Мальцу подслушать, да не рискнул.

После они ушли. Вдвоём, Мальца не взяли. А вернулся Дедко один. И сразу видать: за Кромку ходил. Мертвецом смотрелся, а не живым человеком. Вернулся, упал на лавку и проспал три дня.

Малец же эти три дня роскошествовал. Ничего не делал, только ел вкусно из Дедкиных запасов.

Через три дня колдун проснулся и отходил Мальца березовыми прутьями. За лень.

До самой осени Мальцу хорошо жилось. Трудно, конечно. Сколько всего выучить пришлось да запомнить. Дедко учил крепко и спрашивал тоже крепко. Чуть что не так, сразу кулаком или палкой. И даже не сказать, как больней.

Зато Малец каждый день мясо ел, хоть Дедко и не охотился. Верней, охотился, но по-своему, по-ведьмачьи. Выйдет на полянку, позовет, рта не раскрывая, глядь – косой скачет. Подбежит, присядет, Колдун его по головке погладит, в длинное ухо шепнет, зайчишка – хлоп! – и помер. Или, бывает, выйдут утром из избенки – а на пороге парной кабаний окорок. Сам-то колдун мяса почти не ел, но ученика кормил хорошо.

Малец уже знал: волки мясо приносят. Хотя пару раз Малец углядел след медвежий. Подивился. Великий зверь, матерый, а у ведуна в слугах.

Что матерый, это Малец теперь с легкостью определил. Он нынче следы разбирал запросто. По отпечатку мог сказать не только что за зверь, но и сколько ему зим, в каком настроении бежал или шел, здоров ли. И всякой травы место знал и имя. И что с ними делать.

Так и жили. Дедко учил. Малец учился. Не то чтобы в охотку, да приходилось. Ну и сердце грело: такой могучий, такой страшный человечище, ведун... А Мальцу – Дедко.

Хорошее было лето.

А потом пришла и прошла осень.

И настала пора испытания.

Это Дедко Мальцу позже пояснил. А тогда просто взял Мальца за руку и по первому снежку увёл на заимку.

Малец там еще не разу не был, видать – тайная.

Изба та была старая-престарая. Но крепче той, в которой они жили.

Дух внутри стоял сырой и холодный. Нежилой.

Дедко запалил сальную свечу, велел:

– Оглядись!

Малец послушно осмотрелся, стараясь, чтобы – по-ведунски, важного не упуская. Ничего толком не разглядел, однако еще больше струхнул. Нехорошее место. Злое, голодное.

Дедко полез в ларь, выволок железную штуку на цепи. Бурую от ржавчины, тяжелую, топор выковать хватит. А ежели с цепью – два топора.

И снова удивился Малец, какой богатый Дедко. Столько доброго железа у него в сарае просто так валяется. Ржавеет.

Дедко грохнул добро на лавку. У штуки оказалось две дуги. Как жабья пасть. С дыркой посередине. Дедко взял Мальца за мизинец левый, покрутил, прикинул что-то, кулак Мальцу сжал, а мизинец оттопырил. Затем поднатужился, растянул дуги.

– Клади палец!

Малец замотал головой:

– Откусит!

– В дырку клади, живо! – рявкнул, осерчав, Дедко.

Перепуганный Малец тут же сунул в ложбину мизинец.

Дедко медленно опустил дуги. Палец зажало. Больно, но терпеть можно.

– Жди, – велел колдун. – Вынуть и не пробуй, не выйдет.

Малец кивнул, и Дедко ушёл.

Вернулся не вскорости. Малец маялся. Ущемлённый палец разболелся, распух. Да и холодно. Дедко даже обуться не дал. «Первый снежок надоть босой ногой трогать». Сам-то в валенках!

Когда Дедко вернулся, Малец вмиг позабыл и о пальце, и о холоде. Дедко привел серого. Тощего-тощего. Не из их стаи. Привёл, посадил посередь избы. Волк сидел понурившись. Пахло от него скверно. Совсем никудышный зверь.

Дед ещё порылся в норе, вытянул собачий ошейник с цепью, надел на серого. Конец цепи примотал просмоленной верёвкой к высокой скобе в противоположной стене, схватил волчину за ухо, как зайцев брал, пошептал. Только серый не помер, а, наоборот, оживился, попятился от колдуна, поджав мокрый хвост. Шерсть на загривке – дыбом.

Подмигнув Мальцу, Дедко приладил под веревкой длинную лучину. Зажег щепкой. Волк скульнул. Дедко вынул из-за пазухи ножик с белой костяной ручкой, положил на стол:

– Тебе. Да поспеши. Как огонь до веревки дойдет – перегорит враз. А серый – голодный. Малец непонимающе поглядел на колдуна.

Дедко усмехнулся, потрогал заскорузлым перстом ножик, потом распухший зажатый палец, показал на волчару.

– Он, – сказал, – сперва живот тебе вспорет, кишки жрать начнет, очень кишки любит... Малец с ужасом поглядел на притихшего волка.

Дедко, словно сжалившись, потрепал мальчика по голове.

– Ведун даром ничё не берет, – сказал он. – За все мукой платит. Хочешь стать ведуном?

Малец отчаянно замотал головой: не хочу!

– Тады он тя сожрет, – кивнул Дедко на серого, еще раз потрепал спутанные вихры Мальца и ушел.

Как только дверь затворилась, волк прыгнул.

Натянувшаяся цепь отбросила зверя назад. Этого оказалось довольно. Серый второй раз прыгать не стал. Умный. Уставясь на Мальца горящими глазами, волчара на брюхе пополз к мальчику. Не достал. Опять цепь не пустила.

Малец закричал на серого, но тот не больно испугался.

Ох беда! Лучина длинная, в две пяди, толстая. Кинуть бы в нее чем, огонь сбить... Нечем. Обувки нету. Ножиком? А ну как промахнешься? А если этого – ножиком?

Волчара скалился, слюну пускал. Зубищи-то какие! Сожрет. Как есть сожрет! Малец поглядел на зажатый ноющий палец, слезы навернулись на глаза. А ножик-то совсем маленький. Хоть бы топор дал, ведун проклятый! Малец покосился на зверя. С топором он бы, может, и железку разогнул, и этого... Покосился на волка – тот ждал. Заклясть бы его, как Дедко.

Малец заругался, закричал на серого, да что толку!

Лучина горела.

Малец взял ножик, провел по пальцу. Кожа разошлась, и разрез тут же наполнился кровью. Вроде терпеть можно. Малец резанул сильнее – и вскрикнул. Нож чиркнул по кости. Больно! Кровь пошла, закапала на пол. Волчина потянулся вперед, заскулил совсем по-собачьи. Учужл...

Рана разошлась, но косточки не видать. Из-за крови. Малец поглядел на ножик, на красные капельки на лезвии, попробовал резнуть кость – не вытерпел. Очень больно! Слезы текли по щекам, но Малец не плакал. Смотрел, как ползет огонь по лучине. Левая рука онемела.

«Вся кровь вытечет, и я умру, – подумал малец. – Пусть тогда жрет!»

А если не умрет, только ослабеет? Малец вспомнил, что колдун сказал про волка, и задрожал от страха. Схватил нож, замахнулся и ударил изо всех сил, взвизгнул от боли – попал! Повезло. Мог бы и в руку воткнуть, и в другой палец. Но попал точно в тот. Нож воткнулся в кость, почти перерубил ее, застрял. Вслед за болью накатила слабость, тошнота. Колени согнулись, Малец навалился на стол, сползая на пол... Волк подался вперед, струной натянув цепь...

Новая боль резанула палец раньше, чем Малец обеспамятел окончательно. Нож выпал, стукнув рукояткой. Слезящимися глазами мальчик посмотрел на лучину. На волка он старался не смотреть, но все равно чуял вонь хищника. Внезапно что-то произошло в брошенном доме. И в самом Мальце. Смердное дыхание зверя стало почти нестерпимым. Жаркая пасть приблизилась, увеличилась... но уже не пугала. Малец почуял запах собственной крови, запах ржавого железа, мокрого старого дерева, запах дыма от горящей лучины. А потом все еще раз

перевернулось, и Малец увидел себя глазами серого. Понял: серый любит его. Понял, как дурманит запах крови, как сладко ощущать движение теплого кровавого мяса в горле...

Длилось это какой-то миг, а потом Малец снова стал человеком и еще понял: волком он не будет никогда. Но что-то от волка в нем осталось. Поэтому он твердой рукой взял нож и с силой провел лезвием по окровавленной косточке. Звук был ужасен. Хуже боли. Боль как бы притупилась. Но ни звук, ни боль не останавливали. Малец резал, и боль смирялась. Может, еще и от холода. Рука совсем онемела...

Сколько всё длилось?

...Лучина почти догорела до веревки, когда ножик рассек последний лоскут и Малец освободился. Поглядел на красную лужицу на столе, на кусок своего пальца, зачем-то обтер о штанину нож, задумался. Что дальше-то делать? Сообразил и, обходя серого, двинул к двери и вышел в морозную ночь. Свежий снег хрустнул под босыми ногами. Теплые капли крови пробивали его насквозь.

Сбоку возник Дедко. (Выходит, ждал?) Взял Мальцеву шуйцу, пошептал, останавливая кровь, замотал чистой холстиной, присел, обул Мальца в валенки, накинуд тулупчик. Затем зашел ненадолго в избу, но сразу вернулся:

– Ты был хорош, малой.

Хвалил Дедко нечасто. Можно сказать, вообще не хвалил, так что Малец сразу загордился.

Вслед им из избы полетел жалобный волчий вой.

Мальцу стало жаль серого.

– Отпусти его, – попросил он.

Дедко – первый раз! – погладил его по голове и вернулся в избу.

Малец, пошатываясь от собственной легкости, стоял на снегу, искрящемся в лунном свете, смотрел. Дверь, скрипнув, отворилась, мелькнула и канула серая тень.

– Теперь поспешим, – сказал Дедко. – Довершим дело.

Малец напрягся, но Дедко тут же «успокоил»:

– Ты бояться бояся, но шевелиться и кричать не вздумай. Не то уже не палец, а душу твою вместе с нутром вырвут. Пожалеешь, что волк тебя не сожрал!

У Мальца и вовсе ноги подкосились, но Дедко упасть не дал. Сунул в зубы деревянное горлышко фляги:

– Три глотка!

Малец сделал один – и поперхнулся. Будто кипятка хватил.

– Три глотка! – рявкнул Дедко, схватив Мальца за ухо.

Даваясь и задыхаясь, Малец сделал еще два глотка. Второй был легче, третий и вовсе запросто. Потому что огонь внутри и так полыхал вовсю.

Но сил прибавилось, а палец и вовсе забылся. В животе – как угольев наглотался.

Малец терпел. Уже знал: кричать нельзя. Будет только хуже.

Шли недолго. Или долго... Малец времени не чуял. Но когда пришли, сразу это понял. Потому что место это было пострашней, чем изба, где он палец резал. Если бы не огонь внутри, Малец, может, и не сдюжил бы.

Курган. Лесом зарос, будто дикий холм, но Малец почему-то точно знал: людская работа. Древняя. Сосны – вековые.

– Глаза закрой, – велел Дедко. И потянул Мальца за руку.

Тот пошел. Сначала по земле, потом – по твердому, потом – холодом прихватило, будто в прорубь окунулся. Но ненадолго, и хорошо вышло: огонь внутри уже не так жег.

– Глаза открой!

Вокруг все серо. И не как в сумерках. По-нехорошему серо. А прямо из земли туман клубится. Как густой пар над кипящим котелком. Но такой... Склизкий.

– На, – Дедко сунул Мальцу что-то маленькое.

Палец отрезанный!

– Туда отнеси. И скажи: доброй волей жертвую тебе, Госпожа хранящая. Открой мне очи и запечатай уста. Прими меня, как жертву мою, дозволяй ходить путями твоими. Молю! Запомнил?

– Ага, – пробормотал Малец. Губы – будто чужие.

– Повтори!

Малец повторил.

– Скажешь, потом стой и терпи. Хотя на части рвать будет, терпи. Это значит: приняла тебя берегиня наша. Чем дольше выдюжишь, тем больше силы сможешь принять, когда срок придет. Пошел! – Дедко с такой силой толкнул Мальца, что тот пробежал шагов пять, чтоб не упасть и едва не угодил в самое туманово нутро.

В лицо пахнуло такой жуткой дрянью, что Мальца едва не вывернуло. Кабы не огонь внутри, не удержал бы.

Но справился. Швырнул палец в туман и громко-громко, от страха, выговорил, что Дедко велел.

И тогда его накрыло...

Очнулся Малец уже дома, на скамье, в тепле. Подумалось: сон это был. Но в шуйце дернуло болью, Малец глянул: замотана рука. Но видно: нет у него больше мизинчика.

Дедко спал на соседней скамье. Похрапывал.

– Дедко, а Дедко, а где это мы были, за Кромкой, что ли?

– Не-а, – Дедко взял Мальца за руку, и та сразу перестала болеть. – Нет для тебя больше Кромки, малый.

– А что есть?

– Путь.

– Значит, я теперь как ты, тоже ведун? – замирая сердцем, спросил Малец.

Дедко захихикал, потом шлепнул по макушке, сказал добродушно:

– Невеждой ты был, им же остался. Вставай, вечера поспела.

Бурый почесал косматую голову. Смешной он тогда был, да. Не понимал, что в заклад отдал не откромсанный палец. Собственное посмертие. Страшная цена для глупого мальчишки. Но не для него, Бурого. Особенно теперь, когда он узнал: заклад можно выкупить.

Все можно выкупить за подходящую цену. Вот только подходящая не значит – справедливая.

Глава четвертая

Культияпка, оставшаяся вместо мизинца, зажила на удивление быстро. Малец заметил: теперь на нем все быстро заживает: ушибы, порезы, ссадины, ожоги. Вечером спать лег, а утром – кожа розовая или легкая желтизна на месте здорового синячища.

Малец спросил у Дедки: почему так?

Тот хмыкнул, но все же пояснил:

– А потому что ты теперь – немного мертвый. И вода у тебя в нутре – тоже немного мертвая. А мертвая вода, малой, она всякое телесное заживляет.

– Это что ж, я теперь, к примеру, слюной своей могу раны лечить? – оживился Малец.

Да такому цены нет. Такому лекарю только лишь в княжьих хоромах жить и горя не знать.

– Размечтался! – вернул его из грез Дедко. – Твоей мертвой воды только-только на тебя самого достанет. Да и то – на мелочь мелкую.

Малец поглядел на культю мизинчика:

– А к примеру, палец новый вырастить – это мелочь?

И схлопотал от Дедки такого леща, что с чурбака слетел.

– Даже и не думай, бестолочь! – прорычал Дедко, нависая. – Палец твой...

И вдруг махнул рукой, враз остыв:

– Да все одно пока не поймешь. Просто не думай, и все.

Зато с того дня взялся Дедко учить Мальца всерьез. Наговорам, покону-обычаю ведуньему, сути живой и вещной.

* * *

– Вот, – сказал Дедко, наклонясь к земле. – Болботун-трава.

Он оторвал листок, протянул ученику.

Тот взял, и на лице его выразилось удивление.

– Так это ж...

– Молчи, дурень! – цыкнул ведун, да так громко, что Малец от неожиданности обронил лист.

Дедко дернул его за ухо.

– Всякий побег два имени имеет! – строго произнес он. – Одно имя для дурачков навроде тебя. Другое – тем, кто видит. То – ключ власти. К примеру, как черный люд волка кличет? – и опять дернул за ухо.

– Серый, – сказал Малец. – Пусти, больно ведь!

– Терпи. Еще как?

– Ну, бирюк. Или еще – злодеем.

– Еще?

– Разбойником... Да по-всякому зовут!

– А волком?

– Могут и волком. Токо нечасто.

– Отчего так? – Дедко упустил намятое ухо, ухмыльнулся.

– А бояться! – захихикал Малец. – Дурные. Думают, скажешь «волк» – и прибежит.

– А прибежит?

– Не! То ж не его имя!

– Ага. А ну-ка кликни мне его, быстролапого!

– Дедко, как? – воскликнул Малец. – Я ж имени не знаю!

– Знаешь же, что не «волк»!

– Ну!

– А я позову «Волк!» – и прибежит! – сказал Дедко.

– Так то – ты!

– А прибежит – не испугаешься?

– Не! Пускай он пугается! – и заявил гордо: – Я – ученик твой!

– Дурень ты! – (Малец увернулся от Дедкиных пальцев, спас ухо.) – Допреж времени с тобой говорю. Закрой варежку и запоминай. Болботун-трава. Для чего? Для лиха. Вари с приговором в собачьей крови от заката до первой звезды. Залей в след с приговором, и станет человек злой да на слово грубое скорый, да не к месту. А сие, бывает, и к смерти ведет, а уж к хуле – наверное. То для лиха. Теперь – для добра. Хочешь лешего от ульев отвести, в меду вари да с хлебом положи на пенек. Леший придет, понюхает и боле приходить не станет. Еще ежели на живот или на горло порчу навели, мешай с лунным цветом да золой да с простым приговором «помянись-оборотись, прямо да навыворотись» по телу разотри. И порча на дру-гого перейдет.

– Дедко! – перебил Малец. – Разве ж это – доброе? Всё ты мне про нехорошее, про порчу да чары злые. А как попросту людей лечить да помогать им безвредно – никогда.

– А ты што ж, лечить удумал? – сощурился ведун.

– Да не то чтобы... Ты ж лечишь! – нашелся Малец.

– Ха! Ты сперва шесть личин смени да семь сил накопи.

– Это как? – озадачился Малец.

– А так. Одна у тебя есть. Та, что от страху. Да только одна. Вторую получишь в срок, однако толку она тебе не прибавит. Сперва разума наберись. Пусть людишки под тобой походят. Пусть все злые их привычки твоими станут. Пути властей и пути холопыи познай. А не то не лечить станешь, а мучить. Да сам не заметишь.

– А не врешь ли ты мне, Дедко? – и приготовился увернуться от оплеухи.

Однако ведун не ударил. Поглядел одобрительно и согласился:

– Вру.

У Мальца аж челюсть отвисла: не ожидал такого ответа.

– А потому вру, – продолжал Дедко, – что ты дурень. Ну-ко, скажи мне приговор, чтоб кабан поле попортил.

Малец задумался, затем начал не слишком уверенно:

– Зверь-зверь-кlyкан-веперь-каменнoбок-иди-на-лужок-с-лужка-на-дорожку-с-дорожки...

– Побежал! – насмешливо перебил Дедко. – Ток не к тебе, а свиней гонять иль в болото – спать! Голос, голос делай! Силы у тебя в наговоре – сколь у комара в грудке. Давай снова...

А на следующий день они отправились в город.

Стража на воротах сначала удивилась: старец оборванный, кудлатый, дикой бородой по глаза заросший, но не из жрецов. Знаков бога нет.

Зато обоегов всяких – на рынке за седмицу не распродашь.

А с ним – мальчишка. В справной одежке, добрых сапожках, личко умытое, шапочка алая, власы льняные, чистые. Думалось сразу: может, дед при мальце – холоп услужный?

Однако слишком властно лежала на плече мальчишки клешнястая лапа с пальцами-корнями. Не по-холопыи. А кто тогда? Может, на продажу мальчика ведет, потому и приодел?

Пока отроки привратные думали, старший подошел:

– Пропустить!

Гридень-десятник. Сам. Да еще главу склонил, уважение проявляя. Знает, видать.

Дедко тоже кивнул. С достоинством.

Малец не особо удивился. Вои к Дедке приходили, и не единожды. С подарками, с просьбами, за помощью.

– Сначала поснедаем горячего, потом – на рынок. Купим кой-чего.

Малец в городе – в первый раз. Дивился всему. Стенам вокруг повыше медвежьего роста, домам, заборам, тесноте, толпе людской, что спешит не пойми куда.

Дедке, впрочем, дорогу уступали. Кто – сразу, кто – помедлив. А вот псы за заборами брехать начинали пуще. Не нравился им Дедко.

Вышли на площадь. Ну как площадь... Иной огород попросторней будет. Зато за ней дом знатный. Большой, в два этажа, и этот второй – выше ограды. А еще выше – башенка деревянная, а на башенке – вой в сверкающем шлеме. И вниз не смотрит, только вдаль.

Малец так загляделся, что едва на конское яблоко не наступил. Дедко поддёрнул, спас сапожки.

Сам-то ведун уверенно шагал. Как по лесу своему. Гордо вышагивал. Посторонился только раз, всадника пропуская.

Но этому всаднику все дорогу давали.

– Посыл княжий, – пояснил Дедко Мальцу. – К наместнику нашему приезжал. – Кивок на дом с башней, что выглядывал из-за частокола: – Всё, пришли. Сейчас горячего похлебаем, домашнего мясца поедим, попьем сладкого.

Изба была просторная и вонючая. Однако сквозь вонь пробивалось и хорошее: едой пахло.

Дедко выбрал стол почище, уселся на лавку, хлопнул по ней ладонью. Это Мальцу, чтоб сел рядом.

Напротив два мужа, по виду из смердов-селян, хлебали из миски уху. Чинно, по очереди. Покосились на Дедку и задвигали ложками побыстрее.

Дедко вынул из чехла ножик, простой, не ведунский, и трижды стукнул рукоятью о столешницу.

Подошел парень. Босой, в серой рубаше и таких же серых портах. Видно, из холопов.

– Меда, – потребовал Дедко. – Хорошего. Ухи той же, что эти, – кивок на смердов, – едят, чесноку покидай побольше. Поросянка такого, – Дедко отмерил ладонями примерно локоть. – Овощей пареных, хлебушка, только чтоб мягкий, из печи. А там поглядим. Ну что встал, бегом!

– А заплатить чем есть, старый? – нахально спросил холоп.

Дедко, не вставая, ухватил его за штаны спереди. Холоп охнул, глаза у него выпучились. Малец ему посочувствовал: хват у Дедки, как у кузнечных клещей.

– Хочешь, я твоему хозяину делом заплачу? Охолощу раба одного наглого забесплатно. Хочешь?

– Не-не-не... – заблеял холоп. – Отпустите, господин! Помилуйте! Всё сей миг будет!

– То-то, – пробурчал Дедко, разжимая пальцы. – Все не надо. Поросянок спешки не любит. Ну-ка стой! – крикнул он попятившемуся холопу. – Вижу, мысль у тебя дурная появилась. Так ты ее забудь. Сгадишь как пищу или питье наше, я проведаю и накажу. Пшел!

Холоп убежал. Смерды заработали ложками еще быстрее.

Принесли мед в большом глиняном кувшине и две деревянные кружки.

Малец раньше никогда не пробовал хмельной мед. Думал, он слаще.

Потом принесли хлебушек. Горячий. И котелок с ухой, в которой ложка стояла, столько в ней было крупы, овощей и жирной баранины.

Дедко на уху особо не налегал, уступив первенство Мальцу. Как позже оказалось: ждал поросенка.

Смерды ушли, но больше к ним за стол никто не садился. Впрочем, и людей в харчевне было немного.

Поросенка Малец сначала учуял, а потом увидел. Его несли на большом деревянном блюде. Поджаристый, сочащийся жирком, пропитавшим лепешку, на которую был уложен, напигованный чесноком и ароматными травками, поросенок был прекрасен.

Малец пожалел, что так туго набил живот ухой...

– Мы вовремя! – удаленным громом пророкотало над ними.

Стукнули прислоненные к скамье щиты, грохнули положенные на столешницу мечи в ножнах. Напротив Дедки и Мальца уселись двое.

Один тут же ухватил кувшин с медом, глотнул, скривился и выплюнул мед на пол.

– Эй ты, смерд! Пива неси!

Выговор у него был гавкающий, чужеземный. И лицо тоже плохое. Грубое, злое, заросшее снизу рыжей, заплетенной в две косицы бородой.

Другой, такой же могучий, злой и бородатый, ухватил грязной лапищей поросенка, вгрызся в него крепкими зубами, с хрустом перекусил поросенков хребет, оторвал половину, протянул первому, а сам, отхватив поросенков румяный окорочок, всю заработал челюстями, уставившись на Дедку взглядом, который недвусмысленно говорил: ну, скажи что-нибудь! Дай мне повод!

– Нурман, – проскрипел Дедко. – Жадный и глупый. И храбрый.

– Да, старик, так меня зовут, – согласился нурман невнятно, поскольку рот его был занят. – Свен Храбрый. Ты назвал меня глупым, но я тебя прошу, если пиво будет не хуже, чем это мясо. А если ты, старик, заплатишь за всё, что мы с братом съедим и выпьем, то я даже оставлю тебе твою никчемную жизнь.

Малец испугался. Этот вой выглядел страшнее любого другого из виденных Мальцом. Страшнее тех, что приезжали к Дедке за пособничеством. Малец как-то сразу почуял: этот убивает так же просто, как Малец ест. Только быстрее.

– Ты назвал мне свое имя, – отдельно произнес Дедко, и Малец понял, что ведун ничуть не испуган. Напротив, он в ярости. – Ты назвал его сам, добровольно. Это значит, что ты еще глупее, чем я подумал, когда увидел, как ты ешь собственную смерть.

– Что ты знаешь о смерти, старик? – Нурман захохотал. Ошметки поросенка полетели у него изо рта. – Я сплю с ней в обнимку, – он похлопал по ножнам. – Я...

– ...собственную мучительную смерть, – перебил Дедко без угрозы, скорее задумчиво. – Чувствуешь боль в желудке? Пока еще слабую, но уже к вечеру она станет нестерпимой. К этому времени ты уже выблюешь то, что сожрал, но это не поможет.

Нурман глянул на Дедку. Иначе, чем прежде. Остановил взгляд на руке беспалой, потом – на берегах... Перестал жевать, замер, будто прислушиваясь к чему.

– Болит, – проговорил он почти жалобно.

И, отшвырнув недоеденный кусок, взревел:

– Ты отравил мою пищу!

И заругался по-своему.

– Это была моя еда, – напомнил Дедко. – Тебе не стоило ее трогать. Она всё равно не пошла бы тебе впрок, но ты был настолько глуп, чтобы назвать мне свое имя. И теперь всё произойдет быстрее. У тебя, однако, будет целая ночь, чтобы показать своим богам, как ты храбр и терпелив, а заодно выbleвать и высрать свои кишки. Ты умрешь утром, и смерть твоя будет подобна смерти от загноившейся раны в животе. Плохая смерть, если ты понимаешь, о чем я.

Глаза нурмана сузились. Рука легла на рукоять меча. Его брат тоже перестал жевать и уставился на Дедку с беспокойством.

– Твоя смерть будет плохой, – по-доброму, даже с сочувствием произнес Дедко. – Но твоя судьба после смерти будет куда хуже.

– А твоя наступит прямо сейчас! – рявкнул нурман, выдергивая меч из ножен. Но ударить не успел. Брат вскочил, перехватил его руку и быстро заговорил по-своему.

– Всё так, – снова подал голос Дедко, который, как оказалось, понимал по-нурмански. – Я он и есть. Этот дурень назвал мне свое имя, и теперь он – в моей власти, жив я или мертв. Прав ты и в том, что мертвый я даже неприятнее. Потому что к вашей Хель он точно не попадет. Я уйду к своей богине, и он уйдет со мной. У меня много рабов там, за Кромкой, но такого, как твой брат, еще нет.

Назвавшийся Свеном вырвал из хватки брата руку, прорычал по-своему, замахнулся...

Дедко собрал пальцы в щепоть, ткнул воздух... И нурмана скрутило по-настоящему.

Он побелел, согнулся и принялся блевать себе на колени.

– Что ты хочешь за его жизнь, колдун? – с ненавистью выкрикнул брат Свена.

– За его жизнь – немного, – Дедко ухмыльнулся, в точности как это делает волк, когда готовится вцепиться в горло добыче. – Всего лишь серебряный браслет, что у него на правой руке. И второй браслет, твой – за твою. Ты ведь тоже ел мою пищу, верно? Так что...

– На, забирай! – Нурман сорвал с руки браслет и швырнул на стол. Потом наклонился к скорчившемуся на полу брату, и второй браслет лег рядом с первым.

Дедко сдвинул их Мальцу:

– Прибери.

Свен перестал корчиться и метать блевотину. Но вставать не торопился. Лежал как неживой.

Брат ухватил его за одежду, поднял с легкостью, усадил на лавку.

«Вот же силища!» – восхитился Малец.

Свен Храбрый не возражал. Молчал. Глядел пустым взором.

– Ты же получил плату, колдун! – возмутился его брат.

– За жизнь – да. Но не за душу.

Кулаки нурмана сжались, лицо исказила ярость. Ему очень хотелось убить Дедку. Очень.

– За душу... сколько? – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

– А все, что у него при себе есть, – Дедко показал желтые зубы в подобии улыбки.

Нурман заскрипел зубами так, что и в самом дальнем углу харчевни услышали бы. Если б там был кто-то. Малец и не заметил, как она опустела. Никого, кроме них и холопа-разносчика, укрывшегося за печкой.

Малец втянул голову в плечи: таким страшным стало лицо нурмана. Мальцу показалось: сейчас он Дедку и убьет.

Не убил.

Тугой кошель, глухо звякнув, лег на стол. Рядом – второй браслет, перстень с печаткой, серебряная гривна с шеи, кинжал с украшенной смарагдом рукоятью, меч в ножнах из черной тисненой кожи с серебряным наконечником.

– Верни ему душу, колдун!

– Верну, – кивнул Дедко, пододвигая к себе всё, кроме меча и кинжала. – Это не нужно. Оружие мне без надобности. Душу я верну, но учти, нурман: теперь между нами связь. Вижу, ты еще брата назад не получил, а уже думаешь, как бы отомстить.

Нурман дернулся... Но ничего не сказал.

– Вижу, хочешь. Не стоит. Душу я отпущу, но веревочка от нее – здесь, – Дедко сжал кулак. – Мне теперь ее забрать легче, чем лягухе комара сметнуть. – Дедко приподнялся, выбросил руку и ткнул Свена в лоб. Звук – будто деревяшкой о деревяшку.

Взгляд нурмана прояснился, упал на оружие на столе, десница тут же сцапала меч, шуйца – кинжал...

Но сделать он ничего не успел.

Брат схватил его, выволок из-за стола и потащил к выходу, выговаривая что-то по-нурмански.

Свен упирался, но как-то вяло. Блевотина с его штанов капала на пол.

Дедко взял с блюда кус поросенка, который не успели сожрать нурманы, с явным удовольствием ободрал и зажевал шкурку.

Малец глядел на него, разинув рот.

Дедко засмеялся и сунул мальцу в рот пороссячью ножку:

– Ешь, дурачок, пока время есть.

– А потом – что? – спросил Малец, вынув ножку изо рта.

– А потом за нами дружинные прибегут. От наместника. И этот тебя точно не накормит.

Малец совет принял, замолотил челюстями, мешая поросятину с лепехой и овощами, сдабривая медовухой. Ух, вкусно! А от медовухи еще и весело!

– Ну ты, Дедко, могуч! – пробормотал он восхищенно. – Все тебя бояться!

– А то! – отозвался ведун. – У меня – истинная сила потому что. Башку-то снести всякий может, а вот в душу людскую залезть и все понятия наизнанку вывернуть – это, малой, только мы, ведуны, и можем. Не то чтоб только мы, – уточнил он через некоторое время, проглотив очередной лакомый кусочек. – Ведьмы, волохи, колдуны да колдуньи всякие, нелюдь лесная тоже... Но мы – лучше всех! – И постучал пустым кувшином о стол, приглашая холопа подать еще медовухи.

– Слышь, Дедко, а ты зачем нурманам зброю отдал? – чуть заплетающимся языком спросил Малец. – Она ж немалых денег стоит!

– Да уж подороже того, что в кошеле, – согласился Дедко. – Только нурманы те – не сами по себе. Они – из гриди. Их мечи – они не только ихние. Они еще и княжьи. А на княжье посягать – нельзя.

– Так выходит, с князем тебе не потягаться? – с разочарованием проговорил Малец, которому только что казалось, что наставник его сильнее всех.

– Потягаться можно бы, да зачем? – Дедко пожал костлявыми плечами. – С князьями тягаться – накладно. С ними лучше дружить.

– Служить? – не расслышал Малец.

– Не, служить нельзя. Служить нам никому нельзя. Госпожа обидится, – он поглядел на Мальца и вдруг отвесил ему подзатыльник. – К тебе не относится. Ты пока что не ведун, а личинка неразумная. Будешь глупить или лениться, я тебя жарю и съем. Как вот поросенка этого!

– За что? – Слова Дедки, в общем обычные, неожиданно обидели и расстроили Мальца. Да так, что аж слезы потекли. – Я ж тебе, Дедко, как сын теперь!

– Сын, ага! – хохотнул Дедко. – Не сын ты мне, а щен мелкий, бестолковый, да еще и пьяный к тому ж. Дай-ка сюда! – Он отобрал у Мальца кружку с медовухой. – Нам еще к наместнику, а ты... Наблюешь в покоях, я с тебя шкурку живьем спущу и вельвам чухонским продам. На бубны!

– Почему – на бубны? – не понял Малец.

Но ответа не получил. В харчевню забежали сразу четверо воев и – к их столу.

– Колдун!

– Ведун, – поправил Дедко. – Мы не просим, мы ведаем.

– Да нам без разницы, – пробасил старший из воев. – Мы тоже не просим. Ругай тебя видеть хочет.

– Что ж, – Дедко неторопливо поднялся, кинул на стол монетку из кошель нурманского, кивнул Мальцу: – Наместника княжьего уважить – надо. Верно, малой?

– Ага, – охотно согласился Малец, с удивлением понимая, что встать не может. Зачаровали его, что ли? – Дедко, меня ноги не слушают! – пропищал он жалобно.

– Помоги ему, – приказал ведун одному из воев.

Дружинник глянул на старшего. Тот кивнул. Вой вынул Мальца из-за стола и поставил на ноги, придерживая за шкуру.

И они пошли к наместнику.

– Слышал о тебе.

Ругай. Наместник княжий. Годков под тридцать. Могуч, бывал, статен.

– А я о тебе нет пока что, – Дедко уселся на скамью, не дожидаясь разрешения.

Княжьи отроки дернулись поднять, однако наместник двинул бровью, и те остались на месте.

Дедко покачал косматой головой:

– А ты в своем хорош, – одобрительно проворчал он. – Месяц как воеводить назначен, а уже всех прибрал.

– Не всех. Тебя вот к вежеству пока не принудил... ведун.

Дедко хмыкнул, и Малец сообразил: хозяин доволен. Рад даже. Хотя чему тут радоваться? Двинет еще разок бровью наместник – и порубят их на кусочки мелкие. И ничего Дедко ему не сделает. Потому что не боится наместник Дедку. Сам храбр или на Перуна надеется, чьи молоньи у наместника на лапах вытатуированы... Важно ли? Нет страха – нет власти. Понятное дело, можно и храбреца согнуть: выпытать важное, зацепить за больное, да хоть зельем опоить.

Но нынче нет у Дедки тайной силы против этого Ругая. А у Ругая сила есть. Явная. Вон, на поясах у дружинников висит.

Испугался Малец. И с испугу не сразу дошло, как наместник Дедку назвал. Не колдуном, как обычно, а правильно. Неужто разбирается?

– Не думал, что для тебя пустое важно, – проскрипел Дедко. – Но коли важно, то – пусть, – и поднялся со скамьи. Неловко, изображая старческую немощь, которой у него и в помине не было. Поднялся, покряхтывая, и поклонился. Неглубоко.

– Садись уж, – махнул рукой наместник. – Разрешаю.

– От спасибо, господин, – проскрипел Дедко, падая на скамью и пряча лукавую улыбку.

Наместник прошелся туда-сюда, к узкому окошку, к стене, стойке, в которой оружие покоилось, обратно к столу мимо Мальца. На того пахло мужским: железом, кожей, потом конским. И кровью.

– Веселый ты, – сказал наместник. – Люблю. Но за дурня меня не держи.

– И в мыслях не было! – Дедко не очень старательно изобразил испуг.

– И не наглей, – наместник остановился, навис над Дедкой и льнувшим к нему Мальцом. – Человек ты полезный. Но место свое знать должен.

– Ведун, – не поднимая головы буркнул Дедко.

– Что?

– Не человек я, воевода. Ведун.

– Да хоть лешак косматый. Княжью гривну – на стол! Живо!

– Откуда у меня? – Дедко ссутулился, даже голову в плечи втянул. – Не может у меня такого быть.

– Вот и я о том же. Гривну, что ты у Храброго отнял.

– Ах это? – Дедко глянул снизу. Хищно. Недобро. – Так нурман твой сам мне ее отдал. По доброй воле.

От наместника пыхнуло гневом так, что Мальцу захотелось под стол спрятаться. Счас как рубанет сплеча...

Не рубанул.

Метнулся мимо Мальца так быстро, что того ветром обдало, обогнул стол, уселся в высокое кресло, утвердился в нем, глянул сверху:

– Вот и ты верни. По доброй воле.

Мягко так сказал. Вкрадчиво даже. Но Мальца ознобом пробрало.

Нельзя, нельзя бояться, напомнил он себе. Дедко осерчает!

– С чего бы? – не сдавался Дедко. – Было его, теперь мое. Считай по-вашему – с бою взято.

И захихикал.

– Не балуй, ведун, – так же ласково попросил Ругай. – Ты ряд правильно понимаешь. Меч ведь не тронул. Знаешь, что он княжий. Гривна тоже княжья, пусть и дареная. Не серебро простое – знак.

Малец видел, как Дедко и наместник бодаются взглядами. И уже не боялся. Гордился хозяином своим: вот он каков! Даже наместник княжий у него не требует – просит.

Беспалая рука нырнула в суму, стукнула по столу тяжелая гривна.

– Добро, – кивнул Ругай. – Иди теперь. Понадобисься – позову.

– Зови, – уронил Дедко, поднимаясь. – Я приду.

– Силен Перунов сын, – проворчал Дедко, когда они покинули воинский двор. – И осерчал сильно. Думал, не отпустит. Обошлось.

– Накажешь его теперь, за гривну-то? – тихонько спросил Малец. Привык, что Дедко никому не спускает.

И схлопотал подзатыльник.

– Дурной ты. Видел, как он гнев обуздал? Молод, а духом мне не уступит. Да и княжий он, не сам по себе. С таким дружить лучше, чем тягаться. Целее, – он помолчал немного и вдруг добавил: – А смерть он плохую примет. Но не скоро. На мой век его жизни хватит.

– А на мой? – пискнул Малец.

И заработал еще один подзатыльник. Несильный.

– До зимы доживи сперва, ледащий!

А в городе Мальцу понравилось. Интересно тут. Так что когда Дедко сказал, что, возможно, они останутся ночевать, Малец обрадовался.

Глава пятая

Этот двор был совсем рядом с подворьем наместника и размерами первому не уступал: шагов сто в поперечнике. Одну половину заняли возы, другую – люди и свиньи. Людей было больше, и шума от них было много. И еще много лошадей. Их поили, чистили, кормили... Еще по двору слонялись куры, то и дело с квохтаньем уворачиваясь от ног и копыт, и лежали две огромные лохматые собаки. Каждая – весом с Мальца, а то и поболее.

Учуяв Дедку, псы тотчас вскочили. Малец испугался и спрятался за ведуна. Знал: не любят псы Дедку. Сразу начинают брехать и яриться.

Эти, однако, не кинулись. Напротив, отбежали подальше, к раскрытым дверям конюшни, и уже там залились истошным лаем.

На лай этот, перекрывший прочий шум, из большого дома выглянул здоровяк с дубинкой, гаркнул на псов и, расталкивая народ, двинулся к ним с Дедкой. Глядел нехорошо и дубинкой по ладони похлопывал.

Дедко, понятно, не испугался. Даже не сказал ничего, только одежду слева приподнял немного, один из ножей своих показав. Тот, что для души.

С виду ведунов ножик не страшный. Чай не меч, не секира боевая. Но – особенный. Те, кто силу чувствует, его ой как боятся. И поделом.

Этот, видать, чуял. Или понимал. Сразу попростел лицом, дубинку прибрал и с вежеством Дедке поклонился.

И обратно в дом ушел, слова не сказав.

Внутри было просторно и пахло вкусно: дымом и жаренкой. Люда было немного. Вдесятеро меньше, чем во дворе.

Дедко уселся и ему сразу понесли яства. И медовуху тоже. А Мальцу – воды ягодной. Тоже с мёдом, но не хмельной. Сладенькой.

Малец наелся, напился и уснул прямо на лавке.

...А проснулся от крика.

– Ты, колдун грязный, убирайся прочь!

Двое. Но кричал один. Дородный, с расчесанной на две стороны бородой, в богато вышитой рубахе.

Второй, большой, похожий на воя, только не вой, потому что тоже в рубахе, молча нависал над Дедкой и Мальцом.

А спал Малец, видать, не долго, потому что Дедко еще не докусал.

– Да ну? – Дедко окунул в мед ломтик яблока. – Почему это я грязный? Нынешним утром в речке купался.

Малец сел. Дедко этих двоих не боялся, и он не будет. Есть не хотелось совсем. Вот меду разве что...

– Пошел прочь, говорю! Тут тебе не леший правит, а княжий наместник! А я его человек!

– Ругаю, значит, служишь... – Дедко закинул ломтик в рот, огляделся... И вытер руку о рубаху второго, здорового.

Тот так удивился, аж глаза выпучились.

– Ругай – муж правильный, – как ни в чем не бывало продолжал Дедко. – Что до тебя, так тебя я не знаю... – И совсем другим, угрожающим голосом, здоровому: – Ты ударь меня, ударь. Враз рука отсохнет. – И снова прежним, ласковым: – Караван твой мне не мешает, да и люди твои. Я ж наверху спать буду.

– Я наверху спать буду! – завопил дородный. – А ты – в навозе за воротами. Пшел прочь! Эй ты! Выкини его отсель.

Это он – хозяину здешнему, который самолично им яства подносил, когда Дедко ему горсть серебра отсыпал.

– Уважь просьбу, колдун, – тон у хозяина просящий, но твердый. – Он – княжий человек и товары у него – княжьи. Всегда тут останавливается. А ты... – решившись: – Тебе я деньги твои верну, за то, что съел, возьму только.

– Вот же пиавки, – обращаясь исключительно к Мальцу, сообщил Дедко. – И поесть не дают, и денег требуют.

– Да ты уж сожрал... – начал хозяин двора.

И осекся.

И попятился от Дедкиного взгляда.

– Ты не понял меня, человек, – с угрозой протянул Дедко. – Мне тут хорошо сидеть. И спать мне у тебя хорошо будет. А по-другому – не будет. Потому что когда мне хорошо, тогда всё ладно, а когда мне плохо... – Дедко поднял палец с кривым сплюснутым ногтем и нацелил на дородного: – Это значит, всем плохо. Всем. Ты меня понял, княжий холоп?

– Ну всё теперь! – выкрикнул дородный. – Не хотел по-хорошему, будет по-плохому.

И кинулся наружу. Большой – за ним.

– Зря ты с ним так, – злобно пробормотал хозяин двора. – Сейчас с гридью вернется и в поруб тебя! А мне от наместника – укор!

Дедко усмехнулся:

– Дерзишь. И за то будешь наказан, – сказал он. – Не твоя ль там женка? – Палец указал на молодку, прибиравшую со столов.

– Моя, а тебе...

– Со мной ночью будет, – перебил Дедко. – Соскучился я по бабьему мясцу!

И потянулся с хрустом.

– Да ты...

Вернулся давешний крикун. С ним – пара воев. Обоих Малец сегодня видел. Из тех, что отвели их с Дедкой к наместнику.

– Вот этот! – закричал дородный, указывая на Дедку. – Всыпьте ему да в поруб!

Вои глянули на Дедку... И остановились.

– Этого не будем, – пробасил тот, что постарше. – Батько велел этого не замать.

– Да как же... Княжье добро...

– Добро – твоя служба, – строго произнес старший. – Не наша.

Кивнул Дедке. Уважительно. И Дедко ему – так же. Но сидя.

И оба воя ушли.

– Ах ты ж... Да я... – Дородный поискал, на кого выплеснуть гнев и нашел: – Чтоб я к тебе еще раз! – заорал он на хозяина двора. – Ты... Больше ни грошика, ни резана!

– А я что? – возмутился хозяин. – Я ж...

– Надоели! – по-особому, по-медвежьи зло рявкнул Дедко.

Крикуны осеклись.

– Не будет у тебя еще раза, – колдовской ножик оказался в руке Дедки. – Мары придут за тобой. Я сказал. А ты... – поворот к хозяину двора: – Тебе урок назван. Будет исполнен – прощу.

И пошел наверх, в комнатку, за которую заплатил. Спать.

Малец хотел за ним, но Дедко за рогожу не пустил. Бросил на земляной пол тюфячок, набитый соломой, мол, здесь будешь спать, снаружи.

Малец, понятно, не спорил. Устроился и заснул сразу. Устал.

Проснулся от крика. Баба кричала. Надрывно так, будто рожала. Там, за рогожей, где Дедко ночевал.

Малец вскочил, хотел сунуться, глянуть, чего там?
Но его крепко ухватили за рубаху и обратно, на тюфячок.
Хозяин двора.

Баба вновь заверещала, а у хозяина морда скривилась, будто больным зубом твердое прикусил.

Малец вспомнил, какую плату потребовал с него Дедко – и пожалел мужа. А тот, словно угадав жалость, обнял Мальца, прижал, по голове погладил.

Мальцу такое непривычно было. Его кроме мамки никто не одарял лаской. Да и мамка – редко и давно.

Баба перестала орать... И вдруг замычала по-коровьи, густым басом. Раз, другой, третий...

– Дядька, больно! – вскрикнул Малец.

Хозяин двора тут же ослабил хватку.

– Бедняк ты бедняк, – жалостно пробормотал он и снова погладил по голове.

Малец не понял, почему он – бедняк. Но спорить не стал. Видел в темноте, какое у мужа лицо.

За рогожей стихло. А потом Дедкин голос четко так произнес:

– Вишь какая у меня коряга бравая!

Внутри захлюпало. Будто кто белье мокрое о доску отбивал, и баба заухала сначала, а потом опять заревела.

И так до самого рассвета.

– Бабы они как: видят, чего им желается. Хошь князем стань, хошь первым волохом, – сказал Дедко Малому за завтраком.

Подумал немного и добавил:

– Да и мужи не лучше.

А еще попозже:

– Все такие: людь, чудь, кривь, все. Кроме нас. Однако ж ни мы без них, ни они без нас – никак.

* * *

Бурый поглядел на лежанку, где раскинулась вольготно жопастая девка, пришедшая под новый месяц ворожить справного жениха и удумавшая, что Бурый примет в уплату девкины потешки.

Бурый не отказал. Теперь девка его и тешит, и нежит, и хозяйство ведет. Пока не наскучит.

А жених у нее будет, и прибыль. Уговор есть уговор.

Он, Бурый, к женскому телу лаком. Куда там Дедке. Хотя кто знает, каким был старый ведун, когда еще не был старым?

Хотя Бурый всяко покрупней Дедки вырос. Ну, так на то он и Бурый.

Бабы, девки... Все они одинаковы. Видят, что желается.

Хотя была одна.

Была.

Морена ревнива.

Глава шестая

Мальца разбудил звук шагов снаружи. Он замер, прислушиваясь. Храп Дедки на соседней лавке мешал слушать, но одновременно успокаивал.

А время было нехорошее – между полночью и восходом.

Кто-то шастал под дверью, но Малец не встал. Лежал тихо, будто овечья шкура, которой накрыт.

К прежним шагам прибавились другие, погромче, поувереннее. И еще одни. Не зверь, не нежить – люди. Кто? Воры? Дедкины недруги?

У двери, не запертой по Дедкову обыкновению, неведомые люди замешкались. Теперь Малец слышал уже и дыхание. Да, трое.

Дедко храпел во всю мочь.

Малец осторожно скинул овчину (холодно, однако, давно прогорело в печке) и как был, без всего, приготовился нырнуть под лавку.

...Удар твердого сапога распахнул ветхую дверь, три могучие фигуры ввалились в избенку. Ввалились, встали плечом к плечу, острые наверхия шоломов – под низкий потолок, ручки – на мечях. Снаружи – луна, а в избенке, ясно, темень. Ничего не видать простому глазу.

Малец тихонько сполз на пол, примерился забраться под лавку, да не успел. Должно, глаза незваных гостей пообвыкли к мраку, а может, звук услышали, только один из них метнулся рысью, сцапал парня. Плечо как клешней прихватил. Малец не вырывался. Пискнув, повис пойманным зайчонком.

– Колдун! – рявкнул здоровый.

– Не замай! – раздался тут голос Дедки. Ясный, словно и не спал. – Не замай малого! Меня ищите.

Железная ручища разжалась. Три воя повернулись на голос.

Дедко кряхтя слез с лавки, сунулся к печи, отыскал уголёк, раздул, затеплил фитилек в плошке с жиром.

Оранжевый лепесток подвинул тьму, и Малец разглядел пришлецов получше.

Гридь. Ширины саженой, в кольчугах, в шеломах. Из-под чешуйчатых наланитников – густющие бороды. Незнакомые. И не варяги. И не нурманы. Все трое – в годах, но не старые. И каждый таков, что Малец ему ниже плеча. Грозные все, аки Перун варяжский.

Да Дедко, по всему видно, не испугался. Он бы и самого Перуна не испугался.

Малец устыдился. Ишь, хотел под лавку забиться. Как дитё малое!

Дедко страху не выказал, а вот гости держались сторожко.

Худо. Малец чуял: у таких осторожность – это когда чуть что, и голову долой.

– Вижу, не нашего князя вы люди. – Дедко накинул на костлявые плечи доху, уселся. Велел Мальцу: – Меду принеси. Мне. Одному. Да сперва порты надень. – И опять воям, так и оставшимся на ногах: – Так чьи будете, мужи ратные? Послал вас кто или сами?

– А тебя, колдун, не касаемо! – густым басом, грубо отрезал один. – Узнаешь в срок.

Дедко враз насупился.

– Не так со мной говоришь, человеце! – буркнул он. – Что с колдуном меня попутал – прощаю. Вам, людям, в нас разницы нет. Однако ежели вежеством не проникнешься, увидишь разницу и ты. – И лякнул зубами и рыкнул. Точь-в-точь как волк.

Бородач вмиг, Малец даже сморгнуть не успел, выдернул меч, напружил ноги. Двое других – тоже.

– Ну! Оборотись! – заревел страшно первый. – Вишь, на клинке насечка серебряна! Переполовию!

От рыка его Мальца пробил пот. Но учуял он: богатырь тоже вспотел. Страшно и ему.

А вот Дедко не испугался. Подержал тишину сколько надо, а потом молвил негромко:

– Мне в зверя перекидываться неуместно. Я – ведун. Я вот тебя, пожалуй, обращаю. Поревешь зиму мишкой-шатуном, может, по-людски со старшими говорить научишься. А может, и не научишься, ежели на рогатину кто возьмет.

– Врешь! – усомнился богатырь.

Меча он не опустил.

– Доводилось тебе, человеке, видеть, как топор сам собой пляшет? – спросил Дедко. – Знаю, не видел. Но слыхал. Так вот знай: и меч сплясать может. Хоть он с серебряной насечкой, хоть без. Так что ты гордость приberi, человеке, и железо спрячь, – и, внезапно подбавив в голос силы: – Спрятать мечи немедля!

Богатырь вложил клинок в ножны. Другие – тоже.

И переглянулись, удивляясь, что послушались.

А чему тут удивляться. Дедкову слову нечисть да звери повинуются. Хотя с людьми иной раз посложнее.

Но не с этими. Только с теми, в ком страха нет.

– Где мед? – прикрикнул Дедко на Мальца, а когда тот подал наставнику кружку, ведун спросил уже вполне добродушно: – А теперь говори, почто нужен я князю изборскому.

– Коли знаешь, кто послал, так должен знать и почему! – недовольно проговорил старший из воев. – Мне неведомо.

– А что ж тебе ведомо?

– А взять тебя да привести пред княжьи очи!

– Взять меня не в твоей власти. – Ведун усмехнулся недобро. – Меня и здешний-то князь только *попросить* может.

Вои мрачно молчали. Видно, прикидывали, как Дедку обратять да при этом самим не сгинуть.

– Что ж, у вашего-то своих ведунов нет? – спросил Дедко.

– Есть, как не быть, – ответил старший. – Да куда им до твоей славы.

Подольстился.

– Ладно, – смягчился Дедко. – Приду. Только уж сам. А вы ступайте. Да передайте князю вашему: благодарность должна быть по труду моему. Уразумел?

– А может, с нами поедешь? – не сдавался воин.

– Поехали с нами, мудрый человек! – вступил второй. – Повозку те найдем. Поить-кормить будем от пуза. Поехали!

– Не человек я – ведун! – отрезал Дедко. – Пешком приду. Сам! Князя своего обладейте. Да не бойтесь, ничё дурного он вам не содеет. Простит. А теперь – вон. Пока не передумал!

И три богатыря поспешно покинули избу. Бежали оружные – от старика.

«А я – под лавку!» – устыдился Малец.

– Чё ж от тебя надо изборскому князю? – чуть погодя спросил ученик. – Ведаешь?

– Да все то ж, – Дедко махнул рукой. – Небось, сгубить кого замыслил тишком. Потому и за мной послал, дальним. Свои-то могут и проболтаться.

– А вдруг он тебя убьет? – испугался Малец. – Чтоб ты не проговорился...

– Не убьет, – уверенно ответил Дедко. – Тех, кто при жизни за Кромку ходит, людишки и по смерти боятся. Думают: такого убьешь, а он после смерти из Нави выйдет и отомстит.

– Правда, что ли?

– Может, и правда, может, и нет, – пожал плечами Дедко. – Умру – узнаю. А ты собирайся давай. Поснедаем и пойдем. Надобно нам от этих не сильно отстать. А то они конные, а мы нет. Поторопимся.

– Конные? – удивился Малец. – А где ж их лошадки?

– В сельце оставили, – сказал Дедко. – Ко мне – побоялись. Вдруг испорчу? Вои, малой, лошадей своих пуще женок любят.

* * *

Бурый поглядел на черный комок на дне глиняной плошки. Глянешь: кусок смолы, не более. А истинным зрением посмотришь... Страшно.

Правде научил его Дедко. Страх повелевает всеми. Внятный, невнятный, видимый, невидимый. Страх – он везде и всегда. Явь – его мир. Мир страха. А в ком страха нет, тот ей, Яви, не подвластен. Ни силам ее, ни властям, ни богам. Однако ж и Явь – не его. И живым такого назвать нельзя. Не жизнь он, а нежить.

Глава седьмая

Идти до Изборца пешком всю дорогу не пришлось. Обоз подвернулся. Купец ведуну не отказал. Дал место на повозке и даже кормить обещался. Взамен Мальца обязали помогать с лошадьми. Дедку ни о чем не просили, однако он сам отплатил: вылечил язву у одного из холопов и заговорил больной зуб самому купцу, за что тот подарил Дедке хорошие новые сапоги. Тоже сам. Дедко платы не просил.

– Люди торговые, – сказал он после Мальцу, – бывают двух нравов. Одни за резан удавят и каждой медяшке счет ведут. Другие верят в свою удачу, по мелочам не выгадывают и одаряют щедро. Они думают: барыш и так не мал, а будет еще больше. Так зачем крохоборничать?

– А кто богаче? – заинтересовался Малец.

– То по-разному, – ответил Дедко. – Но щедрые – счастливее. А нашему повезло, что он такой. Спросил бы серебра за подвоз, получил бы серебро. И только. А теперь жизнь получит.

– Это что ж, он от своего больного зуба помереть мог? – спросил Малец.

– От зуба – нет. Но мог. Метка Морены на нем. Была.

– Ты снял! – восхитился Малец. – А ему почто не сказал?

– А зачем? Он – человек. Ничего такого не видит, не чувствует. Решил бы, что вру я. Да и не снимал я ничего. Сама ушла, как только он нас принял. Видать, провинился он в чем-то перед Хозяйкой. А может, судьба поменялась. Там поглядим, что выйдет.

Вышло второе.

Изловить купца хотели. Семеро корел. Подкрались ночью. Хотели тишком, да не получилось. Дедко учуял, разбудил вовремя купца, обозных. Встретили стрелков стрелами. Шестерых подбили, седьмой корел ушел. Недалеко. Дедко его заплутал и в топь завел. Подарил болотнику.

Ладно получилось. А без Дедки взяли бы обозных врасплох.

Издали Мислав изборский, Сволотой¹ прозванный, гляделся грозно: борода широкая, шапка высокая, бархатная, жемчугом шитая, рубаха верхняя – из неведомой блестящей ткани, плащ красный, сапоги узорчатые, пояс золотой, а на поясе меч в ножнах, что камнями так и сверкают.

А вот вблизи князь оказался – не очень. В плечах перекося, глаз дергается, суставы пальцев раздуты и покорены. Такой рукой меч не удержать.

Дедко князю поклонился... сдержанно. Мальца, однако, заставил – в пояс.

– Ученик мой, – сказал. – Помру, на мое место станет.

Первый раз он так – о Мальце.

Только без толку. Князь все равно всех выгнал и Мальца – тоже. Оставил только Дедку.

О чем говорили, ведун пересказывать не стал. Посадил Мальца травы растирать для зелий, а сам ушел куда-то и явился только к ночи, злой-презлой.

– Дедко, я голодный, – всё же не утерпел, пожаловался Малец.

Дедко зыркнул зверем, выскочил из клетки, а когда вернулся, рывкнул:

– Со стола всё – прочь!

Малец поспешно прибрал всё со стола на ларь.

¹ Отмечу, что старинное значение этого слова было другим. От «волочить». А негатив, предположительно, возник от прозвища разбойников, промышлявших на волоках.

Только закончил, как появились князьи челядины. Яств принесли – на десятерых. И не простой снеди, а, видать, с княжьего стола, потому что приправами пахло такими, коих Малец никогда не нюхал. Да еще стол льняной скатертью застелили.

Только вот воняло от челядинов страхом так, что даже этот диковинный запах перебывало. А Малец даже загордился. Видел, что не только Дедку бояться, но и его тоже. Пусть немного совсем, но то ли еще будет.

– Вот мне более делать нечего, как о твоём брюхе радеть, – проворчал Дедко, глядя на лопающего всё подряд Мальца. – Сам не мог холопов позвать?

– Ну я...

Малец хотел сказать: «Да кто ж меня слушать станет?»

Но понял: стали бы.

– Поешь и со мной пойдешь, – буркнул Дедко. – Думал: брать тебя, не брать, но вижу – пора. Скоро тебе силу принимать. Пора тебе поглядеть, каково это: Морене служить. И каковы есть власти-правители, тебе поглядеть полезно. И как с ними управляться – тоже.

– Как будто земляной зверь выел, – пробормотал Малец, разглядывая лоснящиеся от влаги стены и вдавленные в почву круглые камешки.

– Не зверь, – отозвался Дедко. – Вода это. Река.

И верно. На дно похоже. Такое жарким летом бывает, когда речки превращаются в ручейки.

– А куда вода делась?

– Увели ее.

– Кто ж реку может увести, да еще подземную? – не утерпел старший из воев. Любопытный оказался.

– Ранешние могли, – снизошел до ответа Дедко. – Что тут допрежь жили. Были среди них... умельцы. Не нам чета.

– Ужель тебя посильней? – с уважением спросил гридень.

– Куда мне, – усмехнулся Дедко.

– Далеко еще? – недовольно проговорил князь.

«Вот нетерпеливый, – подумал Малец. – На руках несут, а он все равно ворчит».

Не нравился Мальцу князь изборский. Воняло от него. Болезнью, страхом, злобой. Как от больного старого зверя.

– Уже, – Дедко остановился, пропуская воев вперед. И Мальца придержал. – Здесь, княже.

Факелы высветили пещерку шагов полсотни длиной и чуть поменьше – поперек. Посреди – большой плоский камень. Вокруг – с дюжину поменьше.

Вои закрепили факелы, поглядели на князя.

Было их пятеро. Четверо – гридь, пятый – молодой совсем, безусый. Но странный. Ста-рается глядеть гордо, будто сам князь, но уверенности в нем нет, и остальных вроде как побаивается.

– Бери! – коротко приказал князь.

И четверо матерых набросились на пятого, молодого. Скрутили вмиг, раздели догола, опрокинули на большой камень животом вниз.

– Это что ж они творить будут? – Малец попятился, но был остановлен цепкой хваткой Дедки.

– Не они, – проскрипел ведун. – Мы.

– Ты, ведун, помни: никому ни слова! – строго произнес князь.

– Я – ведун, – хмыкнул Дедко. – Твои б не проболтались.

На лицах у воев выразилось: была бы их воля – порвали бы Дедку на четыре части. А потом каждую – еще на четыре.

Только воля – не их.

– Руки, ноги, голову держать, не отпускать, – велел Дедко воям. – Упустите – пропал ваш князь. Душа его в Ирий не уйдет. Здесь навек останется. – Потом ухмыльнулся: – Угадайте: из кого он тогда силу тянуть станет?

Князь захихикал. Ему понравилось. Вои еще больше помрачнели. Видать, представили, какой из их князя дух получится. Ох и злющий. Нет, эти не отпустят.

Дедко присел на большой камень, похлопал молодого по голой спине:

– Больно будет, – пообещал он. – Душу вынуть – не занозу. Но ты кричи. Госпоже моей боль да крики – любви. Малой, зелье давай!

Окунул палец в горшочек и проложил коричневую дорожку вдоль хребта меж лопаток.

Молодой закричал.

Малец ему посочувствовал. Он знал, что это за каша. Похожей ему Дедко когда-то глаза запекал. Только вот зачем он молодому спину мает – непонятно. Зелье это душу из тела никак вывести не может. Наоборот, от него, если с приговором правильным и в правильное время, душа только крепче в тело прорастает и открывает в нем то, что прежде затворено было. Вот как, к примеру, Мальцово умение в темноте видеть.

Но жжется оно знатно. Будто железо раскаленное. А Дедко – хоть бы что. Пальцем берет – не поморщится даже.

Дедко рисовал, молодой орал, но биться не мог. Пристрашенные ведуним вои держали его крепко.

Старый князь глядел и слушал с неподдельным интересом.

Молодой умолк, когда Дедко дорисовал последний знак.

– Сомлел? – осведомился князь.

– Ушел, – строго сказал Дедко. И воям: – Всё. Отпускайте. Бездушные не трепыхаются. – И уже князю: – К Морене ушел. В Ирий отправлять я не умею, я тебя предупреждал.

– Да хоть куда! – махнул князь искривленной кистью. – Давай уже скорей меня – в него!

И распахнул рубаху, обнажая белую грудь, покрытую редким седым волосом.

– Ну это просто.

Дедко достал нож. Свой, ведуний. Но, к удивлению Мальца, не тот, что душу вытягивает, а тот, который – жизнь.

Дедко воткнул ножик князю в грудь. Рот у того открылся, глаза стали какие-то удивленные... Но сразу потускнели.

Вои глядели настороженно. Предупрежденные видно, убить князя они не помешали. Но руки держали на мече.

Дедко наклонился к груди убитого, пошептал чуток и медленно вытянул нож.

Крови не было, хотя попал нож точно в сердце.

Вои удивились. Малец – нет. Дедко у живых кровь заговаривал. У мертвых – еще проще.

– Эй, ведун, а этот чего? – спросил любопытный вой, что спрашивал о прежних людях. – Когда он встанет?

– Экий ты быстрый, – проворчал Дедко. – Ты когда на ногу отсиженную встанешь, и то она не сразу вес примет. А тут – тело целое. Да еще и чужое. Три дня, не менее, пока встать сможет. А соображать начнет не раньше новолуния. Да и то вряд ли всё вспомнит. Помогать ему надо будет, подсказывать. Вы ж не дураки. Сами должны понимать.

– Да ясно всё, – пробасил один из воев. – Что ж не понять. Вот мне когда руку щитом сломали, я две седмицы в лубках ходил, а потом наново меч держать учился.

– Вот и... – начал Дедко, но тут тело молодого содрогнулось, и гридни мгновенно вцепились в него, прижав к камню.

– Вы полегче, – недовольно проскрипел Дедко. – Это ж князь ваш. А еще лучше – отпустите его. Обряд не закончен. Новое тело душу держит слабо. Перейдет в кого из вас – тот станет двоедушцем. Я, понятно, лишнюю душу могу Морене отдать, да только какая окажется лишней, и сам не знаю.

Вои разом разжали руки и отодвинулись от камня подальше.

– Может, нам выйти, пока ты тут всё это... – предложил любопытный гридень. – Без нас справишься?

– Век без вас управлялся, уж и теперь как-нибудь, – проворчал Дедко, и вои быстренько убрались.

В пещерке остались Малец, Дедко, мертвый князь и живой непонятно кто. Малец разумел немного, видел и того меньше, однако в то, что Дедко перетащил душу старого князя в новое тело, он не верил. Неведомо как, но он точно знал: душа старого князя ушла. Совсем.

– Сюда подойди, – велел Дедко, кладя руку на затылок молодого. – Догадался, вижу. Молодец. Помоги-ка этого перевернуть...

Глаза у молодого были открыты. И пусты.

Но душа в теле была, Малец чувствовал.

– Это от муки, – угадал Дедко невысказанный Мальцом вопрос. – Когда мука сильнее, чем человек вытерпеть может, суть его сама себе говорит: не мое это тело, и я – не я. Вот и с ним так же. А для чего надобно, сообразил?

Малец мотнул головой.

– А вот слушай, что я ему сейчас скажу... – Дедко наклонился пониже и проговорил повелительно, Силы подбавив: – Ты – князь изборский Мислав Сволота. Ты переродился в новое тело и будешь жить в нем еще сто лет. Я сделал это для тебя, и потому ты мне благодарен будешь, добр и щедр. А теперь... Спи! – Дедко провел ладонью по лицу молодого от лба вниз, закрывая тому глаза.

– Вот и всё, – сообщил он Мальцу. – Теперь того, – кивок в сторону мертвеца, – сжечь, а этого – княжить.

– А примут его? – усомнился Малец.

Пусть он не разбирался в делах княжых, но знал: хоть кого на княжий стол не посадишь. У каждого князя есть бояре, дружина, люд уважаемый. Не захотят – не примут. И четверо гридней, что были здесь и, похоже, поверили, что Дедко пересадил княжью душу в новое тело, других в том не убедят. А убедят, так еще хуже. Не пойдут люди за тем, кому Морена новую жизнь подарила. Знают, какую цену хозяйка за помощь берет. Она ж Госпожа Смерти, а смерть забирает всё. Без остатка.

Дедко захихикал.

– Уже приняли, – сообщил он. – Это ж не кто-нибудь, – ведун похлопал спящего по животу, – а сын его урожденный. Пусть от девки теремной, но других не осталось. Вчера Мислав его признал и наследником своим назначил. И вся старшая гридь и бояре изборские в верности наследнику поклялись. Ох и хитрый был Мислав изборский. А уж кровь лить как любил... Госпоже такие любви.

– Сын его? – Малец удивился. – И это он – природного сына? К Госпоже? Не пожалел?

– Князя – они такие. Запомни, малой. Если сын для них, что мясо для волка, то мы с тобой кто? Всё. Зови дружинных. Скажи: кончено. Теперь нам только плату получить и – домой.

Малец кивнул, сделал шаг... Но не выдержал, обернулся и всё же спросил:

– Дедко, а ты бы мог? На самом деле, а не притворно?

– Душу перенести? – Дедко покрутил головой туда-сюда, хрустнул шеей: – Мог бы, да. Но зачем? Иди уже, рассвет скоро.

И Малец отправился за воями.

Но подумал при этом вот что: не только у князей такая повадка волчья. Ведь его, Мальца, отец родной тоже, считай, Морене отдал. И даже не за жизнь, а за жалкую горстку серебряков, на которые даже пару овец не купишь.

Вот она, порода людская. Скорей бы уж ведуном стать и от рода людского отойти. Навеки.

Глава девятая

Малец сравнился ростом с Дедкой, когда встретил четырнадцатую осень. Вытянулся за лето. Нескладный, длиннорукий, тощий, хоть лопал, считай, за двоих.

Рост ростом, а старый ведун по-прежнему кликал его малым и держал за несмышленища.

Малец не спорил. Ростом они сравнились, но не ведовством и не силой.

Малец Дедку даже полюбил. Страха в его жизни не стало меньше, но как-то пообвыклось. Да и сам страх стал другой. Голову не дурил, сил не отнимал, а напротив, делал мысль быстрее, а кровь – горячее.

Дедко жил господином. Никому не кланялся, кроме княжьего наместника, но даже ему даров не носил, а если помогал, то за плату. Ни богов Дедко не боялся, ни кормителей божьих. А когда пришедшие за помощью поминали Рода, Перуна или еще кого, только фыркал.

– Дурачье, – говорил он потом ученику. – Деревяшке губы кровью намазали и чают: деревяшка их уберет.

Малец знал, что Дедко сам – окормляет. Морену. Но не так, как иные божьи жрецы. Знал, что у Дедки с Мореной ряд. И даже догадывался, какой, ведь рядиться с Хозяйкой Нави об одном только можно.

Однако как Дедко ей служит, не ведал. Радовался только, что мимо него это проходит. Пока. Он ведь тоже – ее, пусть за Кромку и не ходил ни разу.

А тех, кто за Кромку ходит, Дедко тоже не боялся. Это они его боялись. Называли Дедку Волчьим Пастырем и в его уголья не совались.

А Малец уже знал: не только волками и иными зверьми Дедко помыкает. Вся нелюдь да нежить – под ним.

Два года назад Малец, еще совсем глупый, обнахалившись, завел смердьи сказки про навей да полуденниц, коими стращали друг друга братья и сестренки в отцовом доме. Да еще поважничал: «заклятьями тайными» поделился.

Думал, коли брехня, посмеется Дедко, да и всё.

Дедко, однако ж, не посмеялся.

Послушал внимательно, даже еще и сам порасспросил. Обрадованный Малец выложил тут же и про леших, и про русалок, и про духов всяческих, все, что помнил, до кучи накидал.

Дедко дослушал, бровью не поведя, а потом взял Мальца за руку и повел в чащобу. Да прямо к лешему в нору.

Привел, посвистел по-особому – леший и вылез.

У Мальца душа в пятки ушла, как увидел. Огромный, мехом, словно медведь, оброс. Да и с медведя ростом. Зенки круглые, красные, так и горят в темноте. Колдун рядом с ним – крошка. А уж о Мальце и говорить нечего. А вонь от страхолюдины!..

– Га! Ты! – ухнуло чудовище. (Малец так и подпрыгнул: ишь ты, по-людски разговаривает.) – Кушать? – и лапищу к Мальцу.

– Цыть! – цыкнул Дедко. – Я те дам! Мой!

– Га-а-а... – разочарованно проворчало чудовище.

Но лапа убралась.

– Присядь, – велел Дедко, – пушай он на тебя поглядит.

И страшила послушно опустился на корточки, а Малец в очередной раз преисполнился гордости за своего хозяина. Одно дело – зверьми повелевать, а другое – нелюдью.

– Потрогай его, – приказал Дедко. – Да не бойся, давай, за шерсть подергай, ну! Во, вишь, теплый, живой!

Шерсть у лешего оказалась не грубая, как у медведя, а помягче. Наподобие лисьей.

Страшила терпел, пыхтел только.

– Кушать! – напомнил он.

Дедко порывлся в сумке, достал завернутую в лист медовую лепешку. Страшила сцапал – какой быстрый, однако, – и сожрал. Морда стала довольная. Дедко же в нору заглянул, принюхался...

– Опять собак таскал! – сказал строго.

– Кушать! – отозвался лешак.

– Я тя! – Дедко замахнулся, страшила, оскалась, отпрыгнул назад. На корточках он был аккурат в один рост с Дедкой.

– Помнишь, из Мшанки мужики вчера приходили? – повернувшись к Мальцу, спросил ведун. – На энтого жалились. Просили: изведи нечисть.

Страшила еще более втянул башку в плечи.

– Гляди! – строго сказал ему Дедко. – Не балуй! – И ученику: – Пойдем, Малец.

– Ну, – спросил ведун, когда отошли подале, – страшный?

– Угу!

– Дурень! Энтого одни дураки боятся. А нам...

Малец насторожил слух. Но Дедко боле ничего не сказал. Все же по особому его молчанию Малец догадался: есть такие, кого и ведуну нужно бояться. Вот это жалко! Не выйдет, значит, всех сильней стать.

* * *

Бурый вздохнул: да уж. Есть кого ведуну бояться. Ох есть. И каждому срок отмерен.

Но – не ему. Если только он, Бурый, решится. И не идти ему по той дорожке, по которой Дедко ушел. И Дедкин Дедко, о котором Бурый только один раз и слышал. Когда однажды Дедко взял Мальца за левую руку, положил на стол да рядом свою пристроил. Тоже левую, но без двух пальцев. Такие же култышки. Только две, а не одна.

– Мой-то Дедко построжей был, – сказал тогда ведун. – А может, и не строжей. После сам решишь. Через три лета.

– Почему через три? – спросил тогда еще Малец, а не Бурый.

– Срок мой такой. Как уйду к своим, так и уяснишь: добрый я был иль злой.

– Как это уйдешь? – озадачился Малец. – Куда?

– Помру.

– Ты? – Малец удивился и испугался. – Рази ведуны мрут?

– Все мрут, – отозвался Дедко. – Но иные просто мрут, а иные уходят. Знамо куда.

– А куда? – с жадным интересом спросил Малец.

Дедко покачал головой.

– Ты ж ведун! – крикнул Малец. – Ты ж все знаешь!

– Знаю, – согласился Дедко. – Но я ж еще не помер.

– А я... А я... Никогда не помру! Вот! – запальчиво заявил Малец.

Дедко поглядел на него внимательно... и промолчал.

Потому что – ведал.

Глава десятая

В начале месяца травня, когда снег повсюду уже сошел, кроме вовсе лишенных света овражков, когда заструился под нежной березовой корой сладкий сок, Дедко повел Мальца в дальнюю сторону. Пешком повел, седла не признавал.

У Мальца в ту пору нога была целехонька, но поспевал за ведуном еле-еле, хоть и умел по лесу ходить получше иного охотника.

Дедко пер, будто лось по весне. Напрямик, без тропок, по липкой, влажно чавкающей прошлогодней листве, по пружинистой хвое, шел, тьмы и света не разбирая, молча. Только что разок показал ученику мелькнувшую в разрыве крон синюю прибывающую луну:

– Притомишься – у ней силу бери.

Спали мало, в середине дня. И даже во сне перед глазами Мальца маячила белая спина Дедкина полущубка. Днем, ночью...

На третьи сутки Малец окончательно из сил выбился, ноги путались, цеплялись за всё подряд. Малец падал, вставал и снова падал, вымок весь, себя не чуял. На луну уж и глядеть перестал: без толку. В последний раз упал, решил: не встану. Уйдет Дедко, пускай.

Дедко вернулся, отыскал в темноте... да и огрел клюкой поперек спины. Враз силы у Мальца прибавилось.

Теперь ведун шел позади, а Малец трусил первым. Дедко то и дело его направлял. Словом, а чаще клюкой. Приговаривал:

– Меня земля сама носит. И тебя понесет. Сколь надо, столь и пройдешь. Ныне легко, ныне земля проснулась и всей грудью дышит. Чуешь как?

На седьмой день Малец уразумел, что есть «земля дышит». И сам с ней задышал. Тогда стало легко. Малец обрадовался и едва не побежал.

– Молодец, – похвалил Дедко.

И опять пошел первым.

Пришли на одиннадцатый день. Деревья вдруг отшагнули назад, и Малец увидел большую поляну. А на поляне – огороженную тыном избу. Тоже большую. Луна, полно округлившаяся, висела в небе, и в сизом свете ее отрок разглядел: на заостренных кольях тына надеты черепа. Звериные и человеческие.

Малец враз перетрусил, но Дедко уверенно подступил к воротам и забарабанил клюкой.

В ответ раздался свирепый лай и еще более свирепое рычание.

Не собачье – кого-то покрупней собаки.

Дедко заколотил еще неистовой.

Поначалу по ту сторону никто, кроме бесновавшегося зверья, не отзывался. Однако время спустя бедлам затих и голос, не понять, мужской или женский, проскрипел:

– Кого лихо несет?

– Открывай, колченогая! – взревел Дедко, и псы за воротами вновь зашлись от ярости.

– Нишкнить! – прикрикнул на них тот же скрипучий голос.

Застонал отодвигаемый засов. Ворота, однако ж, остались неподвижны. Отворилась махонькая калиточка. Дедко пихнул Мальца вперед, тот с разбегу влетел в калиточку, запнулся и упал бы, кабы не сгребли его две мощные мохнатые лапы. Вонючий хищный дух жаром обдал лицо. Малец увидел над собой раззявленную пасть и заорал от ужаса.

– Брось, Топтун! Брось его! – раздался окрик, и медведь с очень большой неохотой отпустил отрока.

– Затворяй, любезная моя! – веселым голосом гаркнул за спиной Дедко.

Малец во все глаза глядел на распатланную старуху, шуганувшую мишку.

А старуха, подбоченясь, глядела на Дедку.

– Раскомандовался! – вороной каркнула она. – За чем пожаловал, старый?

– От те и здрасьте! – закричал Дедко еще погромче и веселее. – Мы с дороги, устали, а ты!.. Ни воды помыться, ни еды поесть. Пшел, мохномордый! – Дедко замахнулся клюкой на медведя. Зверь так и шарахнулся. Не клюки испугался, ясное дело, а ведуна. Этакую зверюгу не то что клюкой, оглоблей огреешь – не заметит. Здоровущий. Такого в лесу встретить – лихое лих.

– Помыться вам... – проворчала старуха.

Иль не старуха? Малец никак не мог взять в толк, сколько ей лет. При луне-то много не разглядишь...

– Помыться... Сама он сколь не мылась, а иные, знаш, вон и вовсе не моются – и ничё!

– Сёдни помоешься! – заявил Дедко. – Вишь, кого я привел? – Дедко подтолкнул Мальца наперед. – Видный отрок!

– Не больно-то виден! – буркнула хозяйка. – Только визжать здоров. Мало не оглохла!

– В дом веда, старая! – повелительно сказал Дедко. – Хорош лясы точить!

– Да уж как прикажете, гости нежданные! – Старуха фыркнула и, поворотясь, пошла к крыльцу. Заметно прихрамывала. Колченогая.

Дом был старый-престарый. И большой. В сенях на полке горела толстая свеча. Хозяйка взяла ее на ходу и похромала вверх по лестнице. Малец углядел: стены да перильца сплошь покрыты затейливой резьбой и черным-черны. Закопчены, что ли?

– Холодно у меня! – недовольно сообщила старуха.

– Ничё! – бодро отозвался Дедко. – Отрок протопит, коли дрова есть.

– Дрова есть, да печь холодна!

– Ничё! Он у меня мастак!

Малец слушал эти речи и чуял: за обычными словами что-то упрятано. Словно бы и слова эти заранее сговорены, кому что сказать...

Что-то мягкое прижалось к ноге. Малец аж подпрыгнул от неожиданности. И застыдился, углядев кота. Кот, черный, жирный, пушистый, тоже шарахнулся от Мальцева прыжка и фыркнул недовольно.

Старуха тем временем отворила новую дверь,пустила Дедку с учеником в просторную комнату, поставила свечу.

– Ну, мастак, счас печь топить будешь! – обратилась к отроку. – А там и в баньку. То я сама. Мое дело!

– Твое ж! – поддакнул Дедко.

Тут отрок разглядел хозяйку получше. Разглядел, да не много увидел. Власы, то ли седые, то ли пыльные, – как мех линючий. Платье – ворох тряпья. Не скажешь даже, худа или телеста. Лицо в саже да земле, только и видно, что нос горбатый, ломаный да глаза черные.

В сказках смердых такими ведьмы виделись. Но Малец помнил ведьму. Она была не такой. Страшной, но по-другому. Однако Малец нутром чуял: эта – похуже ведьмы. Пострашнее.

– Мышеед, – сказала карга коту, – удружи, милай, сведи мастака к дровам. Да покажи, что где. – И уже Мальцу: – Иди, он те все покажет. – И ловко сощелкнула нагар длинным ногтем.

Малец покосился на Дедку. Тот кивнул:

– Слушай ее, она – хозяйка.

Черный кот призывно мяукнул с лестницы.

– На-ка. – Хозяйка вынула вторую свечу, запалила и всунула в руку Мальцу. – Ить ноги переломашь, будешь как я шкандыбать.

И захихикала.

Свечка оказалась теплой на ощупь, словно ее грели в ладони.

Кот с мурчанием поскакал по ступеням. Внизу остановился, подождал. Малец шел по пустому темному дому, вдыхал пыльный, тяжелый дух его и гадал, чей он? Кто строил? Для чего? И ведь крепко строил!

А умный кот и впрямь привел к печи. Да какой печи! В широкий ее зев Малец мог войти, едва наклонясь. И поленица рядом. Малец скинул полушубок, взял топор. Ах, какой топор! Шершавое топорщице так и приросло к ладони. Только вот легок.

Поставил Малец на колоду чурбан. Для начала поменьше, примериться. Топорище длинное, непривычное. Махнул – и чурбан пополам. Будто не топорик в руке, а тяжеленный колун. Да еще в колоду врубился на три пальца.

И пошло. Топор летал, как и не железный, почти не утруждая руку, а уж рубил!..

Ясное дело, не простое орудие. Жалко, у Дедки такого нету. Стянуть бы!

Наконец решил Малец, что дров довольно. На растопку хватит, а уж как такая печь разойдется – в нее хоть цельные бревна пихай.

Печь оказалась огромна. У наместника в тереме и то поменьше.

Разгоралось туго, хоть Малец и сделал все как надо. Перед тем как за огнем сбегать, ладони к ней прикладывал, слова правильные говорил, добра просил, как положено.

Долго не просыпалась печь. Должно, давно не топили. Малец вдосталь дыма наглотался, пока раздул. Наконец печь уступила, зашлась, загудела басом, по-великаньи. Дрова вспыхнули ярко, озарив весь огромный залище. Дым горький враз вверх утянуло. Теперь можно и оглядеться.

А глянуть было на что.

Поперек зала – три длинных стола. У столов – сиденья. Да не лавки, а высокие кресла с гнутыми спинками. Малец таких и не видал никогда. На пробу Малец уселся в одно из кресел – не впору оказалось. Ноги до пола еле доставали.

Хозяйкин кот недовольно мяукнул. Не понравилось, что отрок в кресло уселся. Малец погладил резные потертые поручни. В углублениях – остатки лака. Дуб однако. Старый-пре-старый.

Вдруг почудилось Мальцу: полон зал. Сидит за длинными столами прорва мужей. Все – оружные. Пьют, кричат, песни орут...

Кот снова мяукнул недовольно, царапнул по штанине. Малец очнулся. По черным стенам гуляли черные тени. Пламя в печи пылало и ревело, вытягиваясь к дыре дымохода. Малец встал да принялся одно за другим вбрасывать в печь поленицы. Сбоку бросал – к самой печи от жара уже и не подойти.

– Верно старый сказал: мастак! – раздался рядом скрипучий хозяйкин голос.

Припадая на ногу, она обошла отрока, приблизилась едва ль не к самому зеву. Малец оторопело глядел на хозяйку: та даже лица от жара не прикрыла, только щурилась. Черный котяра сиганул ей на плечо и тоже уставился в серединку огненного вихря. Так они и стояли, кидая на дальнюю стену скрюченную, на них не похожую тень.

Потянуло паленым волосом. Кот задом, неловко, не по-кошачьи, соскочил на пол, отбежал от огня. А хозяйка всё стояла. Неумытое лицо ее само походило на головешку. Красное от близкого пламени, будто тлеющее изнутри.

Неторопливо, будто бы нехотя, ведьма отодвинулась от очага, повернулась:

– Исть хочешь?

Малец кивнул. Дедко в пути кормил не по обычаю скуп.

– Пошли.

Шибко, хоть и хромя, хозяйка засеменила прочь из зала, воздух в котором уже заметно прогрелся. Малец метнул напоследок несколько полешек в печь и побежал за ней.

В комнате сидел Дедко и дул из деревянной кружки приправленный мед. Медовый дух плавал в воздухе. Малец сглотнул. Дедко покосился на ученика, подмигнул. Видать, затеял что-

то. Мальцу, однако, Дедковы затеи известны. Страх холодком прополз по спине. А может, и не страх вовсе, а просто захолонула вспотевшая от работы и печного жара спина: полушубок-то внизу остался.

Хозяйка сняла с полки такую же, как у Дедки, кружку, заглянула в нее, вытрясла мусор, еще раз заглянула, хмыкнула и налила черпаком из бочонка.

– Пей, малый, чтоб сердце не упало! – напутствовала она, вручая кружку отроку.

Мед был пряный, сладкий. После первых же глотков голова приятно закружилась.

– Не налегай, – посоветовал Дедко.

– Цыть! – перебила его хозяйка. – Не встревай! Мое дело! А ты, мастак, пей сколько хочешь!

Ведун, к удивлению Мальца, не осерчал на окрик, а молча припал к кружке.

– Пей, малый! – Хозяйка потрепала отрока по голове, одарила улыбкой. Зубы у ней оказались вовсе не старушечьи – ровные, белые, как молоко. Так и взблеснули. – Пей веселей! – и заковыляла прочь.

– Чой-то она хромает? – поинтересовался Малец.

– Чой-то ты разговорился! – шикнул Дедко. – Сказано: пей да помалкивай!

Хозяйка вернулась не скоро. Дедко успел осушить две кружки да принялся за третью. Отрок налить себе не решался, так сидел, блаженствуя от внутреннего тепла. Голод от меда притупился, потянуло в сон.

Неровный хромой топоток вывел его из дремоты.

– Пойдем, мастак! – Хозяйка дернула его за рукав. – И ты, старый, пойдем! Пособишь.

– Эт не мое дело! – отмахнулся Дедко, тоже порядком разомлевший.

– Твое иль не твое, а одной мне не управиться! – сварливо заявила хозяйка. – Разок пособишь – и гуляй.

Дедко, недовольно ворча, поднялся, скинул полушубок, потащился следом.

Банька, не в пример всему дому, оказалась невелика – поперек шагов двадцать. Но хороша. Даже пол не земляной, а из досок просмоленных.

– Сюда сядь! – приказала хозяйка Дедке, поставив сальную свечку на полку повыше. – А ты, мастак, скидай одежду, счас я вернусь.

В баньке тоже была печь, но маленькая, с камнями для пару и здоровенным, вделанным прямо в печь котлом под крышкой. Малец проворно разделся – в баньке жарко. Дедко на него не глядел, делал вид: что будет, его не касаемо. Малец прошелся по мокрому деревянному полу, заглянул в кадушку, потрогал холодную водицу. У двери на стене висели дубовые венички.

Воротилась хозяйка, принесла два ушата. Вместо прежней одежды на ней теперь был кожаный длинный передник на голое тело. Порченная нога – в деревянных лубках, здоровая – голая. Руки у хозяйки оказались по-мужски мускулисты. Капли пота прочертили полоски на грязном лице.

Подковыляв к котлу, хозяйка голой рукой, бесстрашно, скинула горячую крышку. Вверх прянул пар.

Подхромав к Мальцу, оглядела его пристально, как ошупала.

Отрок незнамо от чего смутился.

– От и добро, мастак, – скрипучим голосом выцедила хозяйка. – В саму пору тебя привели. – И Дедке: – Давай, старый, пособилай. Не забыл, как надо?

– Што забывать-то... – проворчал ведьмак, поднимаясь и берясь за один из ушатов.

– Ты стань тут, – велела хозяйка Мальцу. – Да стой смирно!

Черпаком она вмиг накидала во второй ушат. От воды в нем густо поднимался пар. Малец про всякий случай отодвинулся, не ошпариться бы ненароком.

– Смирно стой, сказано! – крикнула хозяйка.

И вдруг с невероятной быстротой подхватила ушат и опрокинула кипяток прямо на голову Мальца.

И прежде чем отрок успел сообразить, что произошло, прежде чем он успел даже вскрикнуть, с другой стороны на него обрушился поток ледяной воды.

Малец застыл ни жив ни мертв. Даже язык у него отнялся.

– От молодец добрый, – похвалила хозяйка. – Ну, старый, иди теперь, боле не надобен!

Малец опасливо ощупывался. Потрогал лицо: больно, но ничего. Кожа не сошла, пузыри не вздулись.

Теплая вода струилась по смоленому полу, с ворчанием уходила в круглую дыру.

– Ай не бойсь! – закричала хозяйка. – Цел-целехо-нек!

Она ухватила Мальца за щеки, приблизила лицо в грязных потеках. Глаза у ней стали шалые.

– Вон в прежние времена, – страшным шепотом прошипела она, – таких, как ты, само в котел сажали.

– И что? – с дрожью в голосе спросил отрок.

– А по-всякому! – Хозяйка захихикала. – Кто сварился, а кто, вот как я, – три века живет не тужит!

– Три века! – ахнул Малец. – Врешь!

– От за такие слова надо б тебя точно в котел! Да сваривши – и съешь! Ам! – Она клацнула крепкими зубами. – Да уж больно грязен – варить. Сперва отмыть! – и захохотала.

– А сама-то... – пробормотал Малец.

– Ах ты цуцик! – оскалилась хозяйка. – Думаешь, я мяса человеческого не едала? Да получше твоего! – Она больно дернула Мальца за причинное место. – Еще рот откроешь, скажу старому, что сбежал, а сама тебя в дубову клетку посажу, откормлю, да и съем!

Малец от ее грозного голоса еще сильнее задрожал да попятился.

– Ну-ко, сядь! – Хозяйка толкнула его на лавку. Подкинула полешко в печь, достала длинные ножницы.

Малец шарахнулся, но хозяйка сцапала его за волосы:

– Сидеть, малый!

Забормотала невнятно, отхватила прядь да бросила в огонь. Вторую – прямо на пол и притоптала ногой. Третью – снова в огонь.

Так, приплясывая да приговаривая непонятные слова, она быстро щелкала ножницами, пока не обстригла порядком отросшую шевелюру Мальца. А после за ногти принялась. Покончив и с этим, разложила отрока на лавке, окатила водой, на этот раз просто горячеей, и принялась охаживать в два венчика. В последнюю очередь вымыла остриженную голову, окатила холодной водой да, завернув в льняное полотенце, выставила из баньки вон.

Сидя в темноте на лавке за дверью, Малец слушал, как хозяйка стучит и фыркает под плеск воды. Хлесткие удары сменялись бормотанием и топотом. Или повизгиванием вовсе уж звериным.

Прискучив ждать, Малец вслепую пошарил вокруг, нашел кувшин с теплым травяным чаем и выхлебал весь, пока ведьма куролесила в баньке.

Распахнулась дверь, и в облаке пара и розового света явилась замотанная в лен хозяйка. Сразу сунулась к кувшину и, обнаружив, что пуст, недовольно заворчала. Однако ж нашелся еще один кувшин, а под столом – корзинка, полная всякой снеди.

Но разглядеть еду Малец не успел. Хозяйка цыкнула, и свеча, дотоле горевшая в баньке, погасла. Отрок забеспокоился, привстал, но хозяйка нажала ему на плечо:

– Сиди! Я тя вижу, а тебе меня – без надобности! – и запихнула ему в рот кус теплого мясного пирога. Тут только Малец понял, до чего голоден. А пирог-то вкусный до невозмож-

ности. За пирогом последовала другая еда, да под питье хмельное сладкое. Отрок ел, и ел, и ел, пока живот не раздулся.

Накормив его, хозяйка взялась есть сама. Ела шумно, чавкая и хлюпая. Малец слушал, слушал да и задремал от тепла и сытости...

И свалился с лавки, больно ударясь плечом.

– Ты что? – раздалось в темноте, пока отрок спросонья соображал, где он и что. – Чего балуешь?

– Упал вот, – пробормотал Малец, потирая ушибленное место.

Пошарил в темноте, отыскивая простыню, но ткань выдернулась у него из пальцев.

– Обойдешься, – заявила хозяйка. – Теперь не застынешь.

В рот ему ткнулся край посуды. Да не кувшина глиняного – гладкий край, твердый. Малец нечаянно стукнул о него зубами, и чаша зазвенела. А питье оказалось горькое, с неведомым тухловатым запахом. Отрок попробовал отпихнуть чашу, но цепкая рука охватила его плечи, мягкий горячий зверек прижался к шее. Малец оттолкнул его рукой, задел за сосок и сообразил: не зверек это, а ведьмина грудь.

– Пей! – фыркнула ему в ухо хозяйка.

Густая жидкость из посуды с гладким краем потекла по подбородку. Малец глотал, а мягкая молочная грудь ерзала у него на плече, затуляла ухо. Отроку вспомнились ровные и блестящие хозяйкины зубы.

Посудина опустела, и хозяйка отпустила Мальца, отошла. А тот вдруг обнаружил, что тьма вокруг уже и не тьма, а сумрак зеленовато-синий, в котором видятся очертания предметов и фигура ведьмы, испускающая зеленое, как у светляка, свечение. Малец поднял руку, и его рука тоже оказалась зеленой, самосветящейся.

Хозяйка, монотонно бормоча, раскачивалась на одной ноге. Зеленый свет трепетал вокруг нее, наподобие тонкой ткани. Вдруг она подпрыгнула, как укушенная, выхватила невесть откуда бубен, замахала рукой, точно крылом, затряслась. Власы ее впустились облаком, частый стук пальцев по твердой коже смешался со звяком бубенцов.

– Ой-ба! Ой-да-ба! Гу-у-у! – подвывала хозяйка. – Шемсь, шемсь, хар-хар, у-у-у!

Припадая на хворую ногу, она вертелась и взвизгивала, а зеленый свет мерцал, как крылышки мотылька.

– Кавала, ойба-да, шемсь, шемсь, гу-у-у! И-и-и-и!..

Босые пятки неровно и часто шлепали по полу. Медно рассыпался бубен.

Малец впал в оцепенение. Только глядел, как разгорается в комнате синий навий свет. В нем померкло зеленое свечение тел, зато стала видна сама хозяйка – мертвеннокожая приземистая женщина со вставшими дыбом волосьями, с раззявленным ртом, подпрыгивающая по-птичьи, трясущая телесами. Голос ее выкрикивал неведомые слова, пальцы колотили в маленький черный бубен. Вихрем моталась она по комнате, словно не было лубков на ее ноге, моталась, сотрясалась, ляскала зубами. Малец еле головой успевал вертеть.

А она разыгралась не на шутку. Пихнула Мальца в спину так, что тот слетел с лавки на пол, на карачки. Разбуянившаяся хозяйка перемахнула чрез него, захохотала, вспрыгнула прямо на спину Мальца, больно ударив пятами, соскочила, подхватила на ноги, завертела вокруг себя.

А он и вовсе перестал соображать, только кряхтел да охал. Комната вертелась каруселью, хозяйка вопила, бубен тарахтел, свет неведомый горел все ярче...

Хозяйка притиснула Мальца к стене, схватила за подбородок, вздернула его голову вверх, схватила зубами за горло и сжала так, что дыхание остановилось.

Малец затрепыхался, хозяйка разжала зубы, отпустила... и вдруг цапнула, резнула клыками, как собака, прокусив кожу до крови. Малец пискнул, но, прижатый к стене, и ворохнуться не мог. Хозяйка фыркнула, провела языком, широко, от ключицы Мальца до уха, слиз-

нув кровь. И опять подхватила, закружила, заражая своим неистовством. Малец и сам не заметил, как тоже начал покрикивать да попрыгивать в такт рывкам и уханью бубна.

Хозяйка взвизгнула, бросила отрока, прыгнула на лавку, оттуда – на стол, топча остатки снеди, а со стола, растопырив ноги, махнула прямо на плечи Мальца, сжав пальцами его бока, а руками – голову. Малец от ее тяжести едва не грянулся на пол, но устоял как-то. А хозяйка заголосила уже обычными словами:

Ах конек ты мой конек!
Ладный коник-быстроног!
Острые копытца!
Ты лети как птица!

И от ее песни Малец тяжелым прискоком пошел вокруг стола, а хозяйка пинала его, елозила у него на шее, подпрыгивала и распевала.

– На волю, на волю, на вольный воздух! – завопила она, и ошалевший отрок кинулся к двери. Они выбежали в сени, причем всадница едва не расшибла голову о притолоку, из сеней – во двор. Во дворе белый огонь померк, осталось лишь зеленое свечение тел. Разгоряченные подошвы Мальца охладила сырая земля. Медведя во дворе не было, только собаки. Лохматые, ростом с годовалое теля псы с лаем запрыгали вокруг них. Хозяйка вопила и лупила Мальца пятками, и он, тоже войдя в раж, носился кругами, вприпрыжку, оскальзываясь на мокрой земле.

Хозяйка вдруг сиганула вниз. Малец от толчка кубарем покатился по земле, а когда опомнился, то увидел, что ведьма, стоя на четвереньках, совокупляется с кобелем, а второй вертится тут же и тоже норовит пристроиться. Земля под Мальцом раскачивалась, а черепа на частоколе, обернувшись, глядели сверху и смеялись.

Хозяйка вскочила, отпихнула кобеля, подбежала к Мальцу, мокрая, грязная, опять забралась на плечи, пинками подняла и погнала обратно в дом. Да еще вверх по лестнице. Наверху соскочила, и Малец в изнеможении повалился на пол. Последнее, что услышал, – невнятное скрипучее пение и позвякивание бубна.

Пришел в себя он тоже под скрипучее бормотание. Малец лежал на чем-то мягком, а хозяйка сидела на корточках около. Голая, но тело больше не светилось. Зато горела сальная свечка.

Не переставая бормотать, она запихнула Мальцу в рот кусочек соленого кровоточащего мяса и тут же, приподняв ему голову, влила горького травяного настоя. Малец наконец-то разглядел ее лицо. Нет, не старуха, но и не сказать, что молода. Не красивая и не уродливая. Непонятно какая, но не похожая ни на одну из виденных Мальцом женщин.

От питья Малец опять «поплыл», зато ноги перестали болеть. Хозяйка между тем встала над ним на четвереньки и тихонько заскулила. Мальцу казалось: она раскачивается вместе с полом и комнатой, и только черные затененные глазницы – неподвижны.

Хозяйка на четвереньках же начала пятиться. Отвисшие груди проволоклись по животу и ногам Мальца. Поскуливая и повизгивая, ведьма принялась вылизывать ему пах. Сердце отрока ударило, дважды подпрыгнуло и остановилось. Он перестал понимать: жив или умер. Чувствовал только жаркий мокрый язык да то, как распирает изнутри.

Сердце не билось, но грудь и плечи будто раздались. Малец хотел спросить: что с ним? Но в горле заклокотало рычание. Невиданная мощь толкнула вверх. Малец вскочил... и тут же повалился на карачки. Стоять на ногах стало трудно. Тут Малец глянул на свои руки и ужаснулся. Толстые, как корни старого дерева. Жесткий бурый волос, густой, как мех, ладони – с медвежьей лапу. Четырехпалые, с желтыми кривыми когтями. Но все же ладони, а не звериные лапы.

Впереди маячило-белело бабье тело. Оно как-то уменьшилось, умалилось...

Ноги толкнулись сами и бросили вперед. Когти рванули шкуру на полу. Хозяйка обернулась, глянула снизу, из-под руки, и прижалась к полу. Лицо испуганное.

В горле опять родилось рычание, хозяйка поспешно задрала зад, и чужое мохнатое могучее тело рванулось вперед, упало на нее сверху. Окостеневший уд воткнулся с маху, как рогаatina. Хозяйка заверещала. И завывала, когда бушующее внутри мохнатого тела пламя скрутилось до копейного жала и выплеснулось красным огнем в самое нутро.

И враз сгинул могучий зверь. Мощь покинула Мальца, он соскользнул с бабьей спины и вытянулся на замаранной шкуре.

Хозяйка тоже легла рядом, повернула к себе его голову, поцеловала мокрыми, солеными от крови губами.

– Бурый, – прошептала она. – Ты – Бурый!

Малец враз ощутил: так и есть. Могутное имя. Страшное. Его.

– Быть те Бурым отныне! – Хозяйка прижималась к нему, ластилась. – Не забудь меня, грозный. Не забудь, кто тебя нарек!

– Нет, – хрипло сказал Малец. Нет, не Малец. Бурый. – Не забуду, тебя, навия. Коли не забоишься.

Кромешница вскрикнула радостно, захохотала, набросилась, затормошила, разожгла и соединилась с ним уже в человеческом облике. Вышло совсем не так, как прежде. Но хорошо.

Однако ж навия баловала его, кормила, поила, плясала для него, уже не хромая, и нога без лубков.

Бурый подивился, куда делась ее колченовость:

– Где ж хромота твоя?

– Нету, избавитель! – Кромешница захихикала, завертелась, а потом зажгла еще целых три свечи. Чтобы увидел Бурый, как помолодела она, и порадовался.

И он порадовался, не зная еще, что взяла навия его юность. Себе взяла. Вытянулась ею вся из-за Кромки, явилась в людской явий мир.

Но после, узнавши, не обиделся. Потому что к тому времени брал то же у других. Научился.

Утром ведьма вывела его к Дедке.

Меньшим показался ему и ведун. Много меньшим, чем ране.

А Дедко ухмыльнулся широко.

– Ну? – спросил.

– Бурый! – сказала ведьма. – Бурый он! Чуешь, старый?

– Ох, чую! – Дедко прикрыл ладонью глаза и попятился.

Но то был притворный страх. Не скоро еще сравняется с ним ученик. А когда сравняется, Дедки уж в сем мире не будет. Так установлено.

Ели в огромном зале, где Бурый давеча печь топил. Он сидел за длинным столом, в центре. Справа – Дедко, слева – хозяйка. Да та не столько ела, сколько прислуживала. Подкладывала Бурому, подливала, вилась вокруг него ужицей.

– Пей, любезный, ешь, любезный...

И он наворачивал. Добрая еда, а питье – и того лучше.

– И как ты, мать, зелье духмянишь? – спрашивал по третьему разу Дедко. – Чисто июльска роса!

– А то! – Хозяйка расплывалась улыбкой. – Мне лешак тутошний сам корешочки-травки тягает, а уж варить-дарить за сто лет научилась. Хошь, такое зелье сделаю, старый, что юнаком обернешься? Али такое, что козлом толсторогим заделаешься, ась?

Дедко захихикал.

– Не, – сказал, – молодым мне навряд ли к чему. А уж козлом, так тут твоё зелье против меня слабо!

– Спробуем? – сощурилась ведьма. – Я теперича молоденькая, надоть третьего кобеля завести!

Дедко отставил чарку, запустил персты в нечесану бороду, тоже сощурился... и сложив из изуродованной руки кукиш, наставил на хозяйку.

– Нутко, мать, зачинай плясать! Подолом крутить, меня веселить! – пропел он высоким голосом. И застучал правой рукой по черным доскам, так же припевая:

Ой-хо! Ой-хо-хо!
Скачет милка высоко!
Высоко-высоко!
Милка черноока!
Личко красное!
Губки ласковые!

И к изумлению Бурого, навия тотчас принялась кружить да подпрыгивать на месте пьяным тетеревом. А лицо у нее стало злое-презлое. Дедко же поколачивал по столу шибко и весело да подпевал:

Ой-хо! Ой-хо-хо!
Скачет милка высоко,
Легки ножки пляшут,
Нету милки краше!

Наконец хозяйка изловчилась совладать с руками-ногами да сотворить противные чары. Пыхтя и отдуваясь, она плюхнулась в деревянное креслице и злобно плюнула в сторону обидчика. Не достала.

– А ты мне подначки не кидай! – ухмыльнулся ведун. – Я те не мужик черный.

– Сподтишка меня достал! – обидчиво прохрипела навия. – Другой раз уж поплачешь!

– И другой раз, и третий! – Дедко захихикал. – Ладноть, чё нам с тобой пихаться, праздник губить? Пошутил я. Посчитаемся, не серчай!

– Ыть тебя, старый! – Хозяйка махнула рукой. – Посчитаемся! Уймись! За него от, – кивок на Бурого, – все долги с тебя вон на сто лет вперед!

Встала, обняла голову отрока, проворковала на ушко:

– Пусть этого Дедку лиховина пожрет, брось его! Останься со мной! Нежить ты, холить да ласкать буду, как никто!

– Чё, шепчет с ней жить? – поинтересовался Дедко. – Ты ее слушай-слушай, так бестолком и помрешь. Да я ить тебя и не оставлю! – Встал, поклонился: – Благодарю, Хозяйка, за угощенье да наученье. Время – в дорогу, к своему порогу.

Малец, ставший отныне Бурым, сообразил: не навия он благодарит, а истинную свою Хозяйку.

– Пойдем, малой! – бросил Дедко и вышел в сени.

Бурый встал. Навия фыркнула, обняла его, прижалась мяконько:

– Приходи ко мне, слышь, приходи! Как надумаешь, только в лес выдь да меня вспомни. И ступай, куда ноги ведут. Без дороги ко мне и придешь.

– Малой! – донеслось уже со двора. – Сколь тебя ждать!

Навия еще крепче прижалась, присосалась губами к губам, но оторвалась почти сразу, явно нехотя.

– Старый козел! – проворчала. И тут же ласково добавила: – Не забывай меня, Бурый, слышь, не забывай!

– Не забуду! – пообещал он, не лукавя.

Когда ступил на залитый весенним солнцем двор, Дедко был уже за воротами. Черепа на кольях понуро глядели в стороны.

Пока шел через просторный двор, услышал позади топоток. Повернулся – и обомлел. Тяжким скоком летел на него ведьмин мишка. Отрок перепугаться толком не успел, как вскипело внутри властное, толкнуло вперед. А мишка встал на задние лапы, передними над головой затряс. Кобели с боков подскочили, залаяли. Тут до Бурого дошло: провожают его.

– Сядь! – махнул он мишке.

И зверь, рыкнув, упал на четыре лапы, пихнулся огромной башкой. Бурый запустил пальцы в жесткий клочковатый мех. Один из кобелей тут же взгромоздил лапы на медвежью холку, лизнул Бурого в лицо.

– Брысь, шелудивые! – гаркнул из-за ворот Дедко. – Сколь мне ждать, малой?

Звери отпрянули, а Бурый, махнув на прощанье дивному дому, потрусил за ведуном, туда, где пел встревоженный весной лес.

Когда Бурый оглянулся, не было уже ничего: ни ограды с черепами, ни ворот, ни дома за ними.

Но он знал: захочет – дорога откроется. А он захочет. Судьба у него – по Кромке ходить. И за Кромку.

Павел Мамонтов. Волчонок

– Наконец-то! – изрёк молодой крепкий мужчина и сладко потянулся.

Он взирал с обрывистого берега на ближайший прибрежный холм, облюбованный вполне себе ладным городишком. Первая линия деревянных стен доходила почти до самой пристани, обустроенной на песчаном берегу, а на вершине холма алел червлёной крышей детинец, где жил княжий посадник. Он тоже был окружён стеной.

Мужчина поправил тесёмки заплечного мешка и тула со стрелами, давая передышку затёкшим плечам, и уверенным шагом направился в город, по хорошо заметной тропинке.

На нём свободно висела меховая безрукавка, по прохладному времени накинутая поверх льняной рубахи с вышивкой, на ногах порты и кожаные поршни, до колен поднимались обмотки – всё из хорошей ткани. Длинные, слегка выющиеся русые волосы до плеч удерживала перевязь вокруг головы. Но самое главное: между тесёмками рубахи на груди поблёскивало серебряное кольцо. Не гривна вокруг шеи, как положено уважаемым мужам, а чуть вытянутое кольцо, не очень толстое и не широкое – взрослый мужчина через него два пальца протолкнуть может, но для того чтобы показать всем, что ты свободный человек, в самый раз хватит.

Об этом же куда лучше могли бы сказать топор и нож, болтающиеся на поясе у путника, но оружие есть и у татей, а серебро, да ещё такое приметное, они носить не станут.

Мужчина шёл мимо пристани, не скрываясь, напрямик к воротам, внимания на него никто не обращал. Голубые внимательные глаза цепко и жадно осматривали всё вокруг, словно в следующий раз ему придётся пройти этим путем в темноте. Так, бывает, смотрят дети, когда оказываются на новом месте.

Лицо путника, доброе и открытое, не выражало каких-то особых эмоций, да и взгляд был такой же, скорее любопытный, чем угрожающий. Широкий лоб, прямой нос, ровные губы, аккуратная русая борода, как и положено всем уважаемым мужам, только скулы, чуть-чуть широкие, выдавали в нём самую малость чужинской крови, скорее всего степной. Ну так этим никого не напугаешь и не удивишь.

У распахнутых настежь ворот стояли вои, не гридни, а княжьи отроки, молодые безусые юнцы, но в такой броне, что даже важные купцы, проходя мимо, отвечивали им уважительные поклоны. На одном блестел добротный панцирь, на другом посеребрённая кольчуга. Щиты были закинута за спину, алые сапоги до колен, бархатные штаны почти полностью скрывал подол доспеха. Даже шлемы отроки не снимали, хотя те нагревались от солнца и не одна струйка пота уже сбежала за шиворот.

– Доброго дня! – поздоровался путник.

– И тебе скатертью дорога, – не слишком приветливо, но и без агрессии ответил гридень в панцире.

– Хороший у вас город, переночевать путнику будет место?

– Да уж найдётся, серебро в карманах есть?

– Имеется.

– Тогда по левую руку от детинца, у Якуба Бочки на постоялом дворе. Торговать чем будешь?

– Да я скорее компанию ищу на работу наняться.

– Оно и видно, вздумаешь торговать, пошлину отдашь тиуну на рынке. Забалуешь – не выйди, выкинем из города, а если должен кому останешься – холопом отрабатывать будешь.

– Зачем мне бучу устраивать? Да и быть в долгу я не люблю.

– Тогда проходи.

– Спасибо!

– Хотя постой, – путник обернулся, гридень и сам не понял, зачем захотел задать этот вопрос: – А зовут-то тебя как?

– Меня? Корт!

Гость прошёл через ворота и тем же уверенным скорым шагом направился к своей цели. В походке его угадывалось, что он точно знает, чего ищет, но в этом городе впервые.

Вскоре его ушей достигли звуки рынка: крики зазывал, дудки скоморохов, ропот толпы. Это пока ещё была не ярмарка, которая скоро захватит весь город и выплеснется за стены прямо к пристани, это было славное торжище, на котором искали, как потратить серебро, в основном приезжие купцы и их слуги. А потратить было на что: орехи, мёд, ягоды – все дары леса. Солонина для тех, кто собирается в долгое плавание. Конская сбруя – тут она дешевле, чем на юге. Ткани – товар заморский, редкий. Кожи – на любой вкус. Хочешь передохнуть – возьми горячую лепёшку, можно даже с мясом, возьми мёда или морса, сядь под навес и смотри, как скоморохи кривляются. Или просто посмотри на весёлую разноцветную толпу.

Корт подошёл к толпе мужчин, выстроившихся полукругом близ большого подворья какого-то купца, да так плотно, что и кошка не пролезет, но у гостя получилось.

И в этот момент, растолкав толпу, наружу вырвался пегобородый мужичок в распоясанном кафтане.

– У-у-у, чумное отродье, погань кривоногая, – пригрозил он небесам, тряся кулаком. В немаленьком, кстати, кулаке был зажат ремешок, на котором болталась мошна. Пустая.

Корт юркнул в просвет в толпе, так что оказался в первом ряду зевак.

На драной циновке восседал паренёк трудноопределимого возраста. Его голые выше колен ноги были поджаты, тело укрывала драная дерюга, а голову украшала явно очень дорогая шапка. Вокруг шеи была обвита гривна, болталась еще пара оберегов, а на пальцах поблескивали два серебряных кольца, тоже не дешёвых. Все эти вещи так не сочетались друг с другом, что невольно напрашивался вопрос: что тут творится?

– Охо-хой, народ простой, народ честной, – вопил загорелый паренёк в веснушках, громыхая деревянным кувшином. – Не проходи мимо, отведи лихо. Всё, что у меня было, я промотал, потратил. Всю удачу свою родную оставил. Одна шапка на голове оставалась, да и та в залоге у шинкаря затерялась. Кто смелый, остальную мою удачу испытает, кто шапку мою заберёт, а меня самого в холопы возьмёт? Всю зиму кормить-поить будет, а по весне на волю отпустит.

– Почём за шапку просишь, Рябчик? – выкрикнул кто-то.

– А скока серебра влезет в неё, столько и возьму. Что, нету? Так садись со мной играть, выиграешь у меня всё, я и шапку на кон поставлю. Ставишь грошик, возьмёшь ногату, ставишь ногату – возьмёшь гривну. Ну что, народ простой, кто храбрый, да лихой?

– А давай со мной! – басовито прогудел кто-то.

Растолкав всех, к пареньку вышел детина с окладистой чёрной бородой, себя поперёк шире, в дорогой крашеной свитке.

– Вот это храбрец, вот это по-мужески, не трусливо. Во что играть будем? Чёт-нечет, больше-меньше, два на три, только серебро сперва покажи.

– Серебро имеется, – бородач бросил на песок перед циновкой несколько обгрызенных кругляшков.

Игра длилась долго, Рябчик проиграл несколько конов, и вроде бы удача улыбнулась бородачу, тот удвоил ставки... и проиграл весь навар за два хода, ещё и своё оставил. Бородач порывался продолжить игру, но Рябчик отказал:

– Удача твоя сегодня слабее моей, иди лучше квасу испей.

Собравшийся народ оттащил проигравшего, его место занял другой – беловолосый карел, в меховой, несмотря на жару, одежде. Он поставил беличью шкурку и проиграл её, а потом ещё две таких же.

Игроки сменяли один другого, коны длились долго, за игрой было в самом деле интересно наблюдать, но все соперники Рябчика неизменно проигрывали, обычно немного, а если оставались в выигрыше, то совсем чуть-чуть, что только подзадоривало остальных.

Корт внимательно наблюдал за игрой, наблюдал долго, так что шум на рынке уже начал постепенно стихать. Еще он заметил, что не один он такой внимательный и стойкий. Таких людей было не меньше трех.

Очередной игрок поднялся с песка, теребя в руках резной кусок серебра: с чем пришёл, с тем и ушёл.

– Давай я! – вызвался Корт.

– Давай, смелый человек, испытай удачу. Повезёт – в кармане серебро зазвенит, в брюхе мёд забурлит. Чёт-нечет.

– Больше-меньше.

– Хорошо, мой первый бросок. Серебро покажи!

Корт бросил в дорожную пыль тонкую пластинку серебра.

– Ногата с мизинец, моя с большой палец. Я бросаю первый.

Рябчик погремел кувшином над головой, бросил, вышло мало. Корт взял свою очередь и выиграл.

– Ай, не пошло, ну что, гость дорогой, возмёшь своё?

– Нет, играю на всё.

– Ай, храбрец-удалец, на все руки молодец. Бросай, что поделаешь.

– Давай ты первый.

– Ох, ну как скажешь, только чую я, удача моя ушла.

Рябчик кинул: выпало чуть лучше, но удача его и вправду покинула, и кости тут были ни при чём.

– Ай, ну что я говорил, пропала моя удача, ничего не попишешь, бери, удалец, бросай... Ты чего? – взвизгнул Рябчик: его руки оказались в железной хватке противника, когда, собрав кости в пригоршню, он передавал их Карту. – Не забалуи тут, ааа... ратуйте, гридни, отпусти... ооо-ийй.

Корт чуть повернул кисти, и из рук Рябчика выпали кости, только их было в два раза больше, чем положено в этой игре.

– Плут, – тихо сказал кто-то в наступившей тишине, а потом будто плотину прорвало – мужи ринулись бить обманщика, тот только успел завопить:

– Не убивайте!

На его счастье, князь гридни уже спешили к месту драки и прибыли очень быстро. Корт успел вовремя схватить серебро и оба набора костей и нырнуть сквозь набегающую толпу, а потом рыбкой выскользнуть с обратной стороны.

– ЧТО ТВОРИТЕ!!! – зычный голос сотника – судя по золочёному шлему – перекрыл и ропот рынка, и шум драки, которая, как по волшебству, прекратилась.

Взбешенные игроки стали расходиться, один, брюнет с курчавой бородой, держал брыкающегося Рябчика за ворот, как цыплёнка.

– Вот, татя и прохвоста поймали, народ обманывал!

– Как дурил?

– Кости подменивал!

– Где они?

– Они... эм... ааа...

Толпа растерялась.

– Вот здесь! – Корт потряс костями в кувшинчике. – Тут два набора, один для честной игры, другой для плутовства.

Сотник повернулся, звякнул, подстраиваясь под тело, чешуйчатый панцирь, синие усы встопорщились, глаза метнули молнии из-под мохнатых бровей.

– Ты кто такой?

– Я? Корт, охотник, сегодня в ваш город пришёл, решил серебра подзаработать. Меня гридни у ворот видели.

– Там стоят отроки, а не гридни. Давай их сюда.

– Кого, кости? Как скажешь, надеюсь, посадник меня наградит.

– Наградит, не переживай, – сотник рывком сцапал у него из рук кувшин и распорядился: – Плута в холодную, остальным разойтись, нечего тут бузу устраивать!

Вои уволокли Рябчика, оставшиеся игроки стали разочарованно расходиться.

– Эге-гей, люди, где тут мёда хмельного подают, я тут человек новый, а серебро выиграл, надо промотать, а то удачи не будет. Кто свободен, айда со мной!

Многие зеваки охотно отозвались на предложение Корта. А что, муж правильный, ловок оказался, а не кичится, уважение проявил, повеселить всех решил.

Попойка удалась на славу. На постоялый двор Якуба Корт явился уже ночью, комнату брать не стал, а договорился с хозяином и устроился прямо возле двери, на лавке, подложив мешок с пожитками под голову.

Пробуждение было не таким приятным, как хотелось бы, и не из-за головной боли и позывов мочевого пузыря. Вернее, не только из-за этого.

Кто-то немилосердно ткнул охотника в грудь, отчего тот разлепил один глаз. Над ним стояли вои: один гридень, судя по возрасту и бороде, и трое отроков с пушкой на губах. В кольчугах, без шлемов, только с копьями и оружием в ножнах, болтающихся на поясах, – не на смотрины пришли, а по приказу.

– Собирайся живо, – сказал гридень, – к посаднику пойдёшь.

– Да мне собраться – только подпоясаться, – ответил Корт. – Хозяин, – обратился он к Якубу, проходя мимо в сопровождении стражей, – скажи тем, кто пришёл со мной вчера, пусть идут к детинцу, посадник меня одарит за то, что плута поймал, а я поделюсь.

– Ну ты и шутник, – гридень хохотнул, отроки последовали его примеру, – давай, пошевеливайся! – посуровел он и подтолкнул Корта к выходу.

Корта сопровождали с особыми почестями – аж четверо воев, если и не как воеводу, то как уважаемого купца. Прохожие, а их на рынке по пути к детинцу уже собралось немало, с интересом наблюдали, кого это ведут к посаднику. На разбойника не похож, но и на богатого человека тоже.

Солнце уже поднималось над городом, но ещё не наполнило жаром улицы, стояла приятная прохлада, кое-где в тени еще лежала роса, а рынок уже начинал свой пёстрый хоровод.

– Эге-гей, народ честной, – вдруг закричал во всё горло Корт, – посадник меня к себе позвал, не иначе одарить хочет за то, что плута поймал. Подходите к детинцу все, кто может, выйду и всем по чарке мёда налью.

Вои опять от души засмеялись: чужак, не ровен час еще и острожник, а всех грозитя угостить. Дурень, но смешной. А охотник продолжал разоряться:

– Посадник щедрый, гривны с шеи своей не пожалеет, чтобы меня одарить. Я весь атлас скуплю, себе кафтан сошью.

Веселье продолжалось, пока не собралась такая толпа, что воям не то чтобы стало тесно, а скорее неудобно, тогда один из отроков не выдержал, толкнул в плечо Корта:

– Замолкни уже.

– Ты чего толкаешься? Я тебе не тать и не холоп! Я свободный человек!

Охотник развернулся на месте, но вои мгновенно остановились, направили на него копья.

– Свободный, и что с того? – толкнувший его отрок надменно ощерился. – Много возомнил о себе, – процедил он и добавил: – Чужак.

– У меня в городе друзей больше, чем у тебя, а ты, никак, меня на правёж тянешь?

– А если и так, ты что сделаешь?

– А ты объяви при всём честном народе, тогда я оружие выберу, – ответил Корт и погладил перья стрел в туле, который у него не отобрали.

– Хватит мне здесь базар разводить! – За плечо Корта сзади дёрнули уже как следует, так что он едва не рухнул навзничь, но смог удержаться на ногах и развернуться.

– Не замай его, – пробасил один из толпы. Корт узнал его – кучерявый бородач, тот самый вчера держал Рябчика, как птенца, за горло. – Он хороший человек, плута выкрыл.

– Посадник разберётся, кто он, а ты иди себе, занимайся своим делом.

– Не указывай мне, Заяр, я сотенный глава кожейак. Я сам разберусь, что мне делать. – Гридень отпустил Корта.

– Если хочешь заступиться за чужака, Кандыба, так и скажи.

– Да на мне, что ли, вина какая есть? Если есть, пусть меня судят, но по Обычаю и по Правде, – крикнул Корт.

– Верно! И то правда! – заголосила толпа.

– Цыц! – заорал гридень, заметно тише, чем сотник вчера. – Никто никого судить не будет, посадник вызвал чужого охотника, чтобы поглядеть, кто он такой, может, добрый человек, а может, обманщик. Если так, то его будут судить на большой площади. А теперь разойдитесь, именем князя!

Толпа неохотно разошлась, надеясь на будущее представление, а охотник и гридни дошли до детинца уже в тишине.

Посадник был без доспехов, в штанах из синего бархата и атласной рубашке – на одно это можно было купить приличную броню, а на шее висела золотая цепь толщиной с мизинец. Пальцы были унизаны золотыми и серебряными перстнями, украшенными драгоценными камнями размером с птичий глаз.

Подбородок у посадника был бритый, голова тоже, черты лица у него были резкие, а взгляд хмурый. Он задумчиво тёр подбородок, сверля взглядом Корта.

– Ты зачем в городе бузу устраиваешь? – наконец удрученно спросил он.

– Я ничего не устраиваю.

– Как не устраиваешь? Мне гридни доложили, что ты народ к бунту подбивал. Или скажешь, что они врут?

Корт глубоко вдохнул, посмотрел на стражников, стоящих по обе стороны от посадника, и окинул взглядом горницу. Стена за спинами стражников была прикрыта медвежьими шкурами и увешана оружием: мечами, щитами, копьями и кинжалами. Слева от него из раскрытого окна с посеребрёнными наличниками дул приятный ветерок, так что, в случае чего, лететь ему вниз с третьего этажа терема, прямо на деревянную мостовую.

– За свои слова пусть сами гридни и отвечают, – сказал охотник, – а я жду от тебя Правды. Если за мной вина какая есть, то скажи.

– Ты откуда родом? – вместо ответа спросил посадник.

– Издалека.

– Я про родню твою спросил.

– Её нет.

– Изгой, значит?

– Нет.

– А кто же тогда?

– Свободный человек.

– А кто это подтвердить может?

Корт поиграл желваками.

– Лошкан Шкуродёр, я у него в охотничьей ватаге эту зиму был. По ряду.
– Что-то слышал о таком, – лениво отозвался посадник и потянулся. И тут в дубовые двери постучали. В горницу вошёл отрок.

– Батька, к тебе купец, Житомир.

– Ты не видишь, я занят!

– Он говорит, что как раз в этом деле может помочь.

– Да, – смягчился посадник, и задумчиво погладил усы. – Тогда зови его, послушаем.

Вошел гость, сразу было видно, что купец, пусть и не из самых знатных: слева на богато разукрашенном поясе висел у него длинный кинжал, а справа – тугая мошна.

Корт сразу узнал его. Он был один из тех немногих, кто быстро раскусил трюк Рябчика и развлекался, наблюдая за его плутовством.

– Здрав будь, боярин, – купец низко поклонился, – посадник княжеский, своею силой и мудростью город наш от всякого лиха оберегающий.

– Будет тебе, Житомир, не первый год друг друга знаем. Ты человек уважаемый. Зачем пожаловал?

– За человека хочу свидетельствовать, вон за него, – мясистый, мозолистый палец купца указал на Корта. – Если про него тебе что худое сказали, то так и знай, клевета это. Он плута поймал, честной народ уважил, всё сделал по чести. Паря он хороший, не гляди на то, что чужак.

– Хороший, говоришь, – посадник вздохнул. – А зачем народ мутит? Попойки неугодные устраивал.

– А это всё пришлые зачинили. Охотник по чести уважаемых людей угостил, а всякие бездари на дармовщину и позарились. Может, и учудили чего.

– Значит так, говоришь, было дело, – посадник откинулся в кресле.

– Всё так и было, слово своё купеческое даю.

– Слово твоё много весит. Эй ты, свободный человек, – толстые усы приподнялись в усмешке, – за тебя добрый человек слово замолвил. Отблагодари да отдарись, как следует. Но ты уже изрядно намутил в городе, поэтому чтоб до ночи тебя здесь не было, иначе тебя вообще не будет. Ты меня понял?

– Как не понять, чай не дурак, уши слышат, глаза видят, – Корт медленно выдохнул, как делал обычно перед выстрелом из лука. – Так я пойду, а то не успею твой наказ выполнить?

– Иди, меня не волнует, что ты будешь делать дальше. Домовит, – обратился посадник к стражнику, тут же потеряв всякий интерес к гостю. – Ты гридней отпусти, пусть потрапезничают, да и ты с ними. Уж я-то знаю, как от этих всех рядов брюхо пустует.

Корт понял, что о нём тут же забыли, словно о мошке, вылетевшей в окно. Он вышел из боярского терема, стискивая кулаки, но пустыми угрозами никого (а главное, себя самого) смешить не стал. Ничего, кто знает, как судьба повернётся, может, и случится им с посадником свидеться при другом раскладе, тогда уж рука не дрогнет.

* * *

А пока хмурый охотник шёл по рынку, посадник с купцом вели свою беседу с глазу на глаз.

– Зачем он тебе? – спросил посадник, покручивая ус.

– Для дела пригодится, – негромко ответил купец. – Он сильный и ловкий, и голова у него на плечах имеется. Такой в любом деле пригодится. Да и изгой к тому же. Если поверит кому, то крепко за тебя будет держаться, а если нет, то и бросить не жалко. Никто за него спрашивать не станет.

– Я же нашёл тебе человека для силы.

– Не доверяю я северянам, – купец поморщился, но, видя недовольство посадника, быстро исправился: – Добыча всем голову кружит, посадник, а ещё один хороший вой в моем отряде не помешает, пусть они друг за другом приглядывают.

– Тебе виднее, – палец перестал крутить ус, – тебе плыть. Если дело сладится, нам все дороги откроются. Не боишься того, что найдёшь?

– Чего бояться? Нет за ними теперь силы, а если что и осталось, сам знаешь, я не дурак деревенский, управлюсь. Не переживай, посадник.

– Я не переживаю, купец, это ты должен переживать, чтобы мою долю доставить в сохранности.

* * *

Корт вернулся на постоянный двор за своими пожитками, прохожие по дороге косились на него, некоторые даже сочувственно, но заговаривать не спешили.

– Эй, хозяин, – окликнул Корт Якуба Бочку, когда тот проходил мимо, неся огромный живот как своё главное достоинство.

– О, охотник! Тебя тут уже искали.

– Кто?

– Купец один.

– Не Житомиром кличут?

– Он самый, спрашивал про тебя, мол, куда увели да зачем. Встретились уже?

– Встретились, ты мне лучше расскажи, что это за купец такой.

– Да как тебе сказать? Житомир – человек богатый, уважаемый и удачливый на диво, сколько я помню, он ни разу без прибыли не возвращался. Посадник его уважает.

– Это я уже знаю, – усмехнулся Корт. За спрос денег не берут, подумал он и поинтересовался у Якуба: – Раз такое дело, не подскажешь, где он на ночлег встал?

– Да у меня же. На втором этаже, слева от лестницы.

Охотник устроился в темном углу коридора, сложил руки на груди и принялся ждать. Ждать он умел, однако умение его не понадобилось. Первые же шаги, что донеслись с лестницы, принадлежали именно тому, кого он караулил. Житомир важно, не торопясь, поднимался по ступенькам. Если он и заметил Корта, то виду не подал. Лицо у него было широкое, глаза прищуренные, русая борода коротко стриженная, лоб с залысинами. Телом, как и положено купцу, Житомир был широк, но больше в талии, зато саженные плечи и мозоли на ладонях говорили о том, что купец сам не чурался сидеть на гребной скамье, а внушительные щёки и крепкие зубы свидетельствовали о хорошем здоровье.

– Богатства в дом тебе, благодетель, – тихо сказал охотник.

– Что? – резко обернулся купец. – А, это ты, охотник. И тебе здравия. Уже вернулся, значит.

– Вернулся, но хочу знать, зачем ты мне помогал?

– Ясное дело, иначе зачем бы ты здесь ошивался. Ну что, может, внутрь зайдём – не здесь же дела важные обсуждать?

Корт согласился, купец занимал просторную и светлую комнату наверху. Когда они вошли, он не чинясь и без опаски спрятал дорогой кафтан и одежду в один из сундуков, стоявших по углам комнаты. Остался в одной атласной рубаше и портах, и даже эта простая одежда купца была раз в десять дороже всего того, что носил на себе Корт.

– Здравствуй, Корт, меня ты не знаешь.

– Знаю, тебя зовут Житомир, и ты купец. Говорят, очень удачливый.

– А, это Якуб, должно быть, разболтал, тем лучше. Что пить будешь – вино, мёд, пиво? Посадник, небось, ничем не угостил?

– Угадал, – хмуро ответил охотник. – Наливай мёд, если есть.

Купец предложил ему стул, а сам сел на один из сундуков.

– Тогда будь здоров, – деревянные кружки стукнулись. – Я так разумею, ты спешишь покинуть город, иначе посадник тебе спуска не даст, но сам понимаешь, если я хочу взять тебя на работу, я должен о тебе узнать побольше.

– Ты со мной хочешь ряд заключить?

– Угадал, иначе зачем бы я стал тебе помогать?

– Вот те здрасьте, караулили зайца, поймали вепря. А если я откажусь?

– Откажешься – твоё право, я тебя не неволю, но думаю, ты согласишься. Ты ведь изгой, я угадал?

– Что, так заметно?

– Для понимающего человека заметно. Безродные, как бы ни старались, иначе себя ведут. Не как все. Вернее, слишком стараются быть как все. Что же случилось, что тебя из рода выгнали, Корт?

– Никто меня не выгонял, был у меня свой род, теперь нет.

– Что ж, бывает, – сочувственно сказал Житомир, – мести ищешь?

– Кое-кому я уже отомстил, но всем мстить замаешься.

– Тогда чего ты от жизни хочешь?

– Как и все, серебра побольше.

– Серебро – это только средство, как и меч, никто же не хочет добыть себе меч только для того, чтобы с ним на поясе ходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.